

WORLD
OF
WARCRAFT
SHADOWLANDS

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

МЭДЕЛИН РУ

WarCraft

Мэделин Ру

World of Warcraft. Восход теней

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Ру М.

World of Warcraft. Восход теней / М. Ру — «Издательство АСТ»,
2020 — (WarCraft)

ISBN 978-5-17-110303-3

Бестселлер по версии NEW YORK TIMES! Новый официальный роман «Восход теней» повествует о событиях, предшествующих сюжету «Shadowlands» – очередного дополнения к легендарной многопользовательской ролевой игре World of Warcraft компании Blizzard Entertainment.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110303-3

© Ру М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог. Западный Край	8
Глава первая. Оргриммар	14
Глава вторая. Назмир	20
Глава третья. Дазар'алор	26
Глава четвертая. Назмир	29
Глава пятая. Оргриммар	34
Глава шестая. Штурмград	38
Глава седьмая. Дазар'алор	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мэделин Ру

World of Warcraft. Восход теней

Madeleine Roux

WORLD OF WARCRAFT: SHADOWS RISING

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc.

Все права защищены.

Shadows Rising, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

* * *

Братья, собравшие мне первый компьютер и познакомившие меня с чудесами видеоигр, а также все разработчики, сценаристы, художники и игроки, любящие Азерот – эту книгу я посвящаю вам.

Пролог. Западный Край

Андуин Ринн гнал коня так, точно следом за ним с воплем неслась целая тысяча слуг Бездны. В небесах гремел гром, земля грохотала под копытами скакуна, несшего Андуина через истерзанные равнины Западного Края. Никто, кроме верного друга, главы разведслужбы, его не преследовал, но дело было не в том: тьма наступала на пятки, и он мчал во всю прыть – только бы от нее оторваться.

Пусть хотя бы на время. Пусть хоть *в эту* минуту.

Сквозь громовые раскаты, сквозь грохот копыт, сзади донесся крик Матиаса Шоу:

– Сир! Сир! Да будь ты проклят, мой конь вот-вот потеряет подкову!

Но Андуин, даже не оглянувшись, прищелкнул языком, подгоняя Верного. Быстрее, быстрее, быстрее! Замедлить скачку? Об этом и речи быть не могло.

Вдали, над невысокими холмами, распаханными под поля, высилось иглистым кристаллом нагромождение обломков, поднятых в воздух потоком энергии. Андуин не мог глаз от него оторвать, а между тем сгущавшиеся в небе тучи стремительно надвигались, укрывая равнину тенью. Помнится, некогда Андуин полагал столь разительные перемены в Западном Краю невозможными, но что грянувшему Катаклизму до его юношеской ностальгии? И все же в то время ему казалось, будто с ног на голову перевернуто само его детство, будто собственная его память вывернута наизнанку. Тогда он был всего-навсего мальчишкой, неопытным, не успевшим повидать жизнь юнцом, теперь же чувствовал себя великолепно отточенным клинком. Тот желторотый мальчуган считал определенные вещи неизменными, но нынешний Андуин знал: это лишь по малолетству. На самом деле ничего постоянного в мире нет. Любой город может обратиться в руины, однако любой враг может стать союзником и даже другом, так что огульный цинизм ничуть не разумнее безоглядного оптимизма.

– Сир!

Смиловавшись, Андуин мягко потянул поводья на себя, и Верный, великолепный белый жеребец, сбавил шаг, перешел на легкий галоп, а глава разведслужбы, нагнав Андуина, пристроился рядом.

– Прости, – вздохнул Андуин, отбрасывая назад пряди мокрых, насквозь пропотевших волос, назойливо лезущие в глаза. – Должно быть, подобные скачки для твоих старых костей нелегки.

– Ты не предупредил, что у нас тут гонка, – буркнул Шоу. Шутки шутками, однако старший товарищ, изрядно потрепанный жизнью, но не утративший ни крепости тела, ни остроты ума, даже не запыхался. – Если б по справедливости начали, остался бы ты позади, хныкать да пыль глотать... ваше величество.

Андуин развернул коня к оставшемуся позади, за рекой, Элвиннскому лесу.

– Ну что ж, это нужно проверить.

– Может, и так, но вначале ты мне объяснишь, отчего скачешь сегодня, точно ума лишился. Не хватало еще, чтобы ты вылетел из седла и сломал свою королевскую шею.

Держался Шоу грубовато, сурово, и голос его звучал резко, сухо, точно он каждое утро полощет горло опилками, но эта суровая прямота короля только радовала. Если большинство придворных в присутствии Андуина без расшаркиваний да поклонов слова сказать не могли, то Шоу все выкладывал попросту, напрямик.

Тучи над головой сгустились, грозя разразиться ливнем, но Андуин, невзирая на надвигавшееся ненастье, с легкостью опытного наездника спрыгнул с седла. Верный заволновался, встряхнул пышной белой гривой, грызя удила. Обойдя коня с головы, король вынул из кармана пару ломтиков яблока и протянул ему. А-а, вот оно что: недоуздок ослаб и в сторону съехал...

Позволив коню уткнуться теплым, бархатистым носом себе в плечо, Андуин привел сбрую в порядок и коснулся лбом морды Верного, между глаз.

– Знаешь, когда я был совсем мал и только учился ездить верхом, отец отвел меня на конюшню и подарил мне первого в жизни пони, – заговорил Андуин, блекло улыбнувшись воспоминаниям о былом. – Серого в яблоках. Кроткого, тихого. Тринадцати ладоней в холке. Я спросил у отца, отчего рост лошадей измеряют в ладонях. Отец заулыбался, ответил, что понятия не имеет, и рявкнул на конюха: отчего? Ответить никто не смог. А конюх, думаю, от смущения едва штанов не испачкал: он ведь, бедняга, вряд ли был старше меня. Кажется, его звали Марвином.

Взгляд Шоу, так и не сошедшего с седла, вдруг сделался отрешенным.

– Нет, не припомню такого.

Но Андуин знал: глава разведслужбы что-то недоговаривает. На самом деле, он почти наверняка помнил Марвина, а Марвин, вероятнее всего, погиб. На одной войне или на другой, под топором орка или от отравленного клинка Отрекшегося, а может, в доме, рухнувшем во время Катаклизма, заживо поглощенный землей...

– Я был потрясен до глубины души, – продолжал Андуин, оставив горькие думы. – Отец, король Штормграда, признался в невежестве перед слугой! И знаешь, что он ответил, когда я об этом заговорил?

Шоу отрицательно покачал головой.

– Отец сказал: только дурак считает, будто разбирается во всем на свете. А человек мудрый признает собственную ограниченность и стремится узнать как можно больше.

Оба умолкли, вслушиваясь в шум надвигавшейся с севера, из-за холмов Кинжалов, грозы.

– Не из тех он был королей, которым легко служить, но именно трудность службы и приносила особое удовлетворение. Такое не обо всяком правителе можно сказать.

Тут Андуину сделалось чуточку не по себе.

– Э-э... вот как?

– О, не сомневайся: служба тебе тоже приносит немалое удовлетворение, просто она... *малость* потруднее будет, – ответил Шоу с едва уловимым намеком на улыбку, причем улыбки загадочнее Андуин за главой своей разведки еще не замечал. – Вот сейчас, например, ты укланяешься от моего вопроса.

– Нет, Шоу, я на него отвечаю, – возразил Андуин, левой рукой легонько придерживая поводья Верного, а правой указав на шпили штормградских башен, темневшие в небе за лесом, в туманной дали. – Я признаю собственную ограниченность. Сегодня... Сегодня мне...

Но подходящее слово никак не приходило в голову, сколько ни ищи. «Трудно»? Нет, это всей сути не передаст. Может, «тревожно»? Или «тоскливо»?

Нет. Он... он был *сокрушен*. Сломлен. Раздавлен.

Тиранда с Малфурионом бежали в Нордрассил, и все послания Андуина к ним остались без ответа. Сегодня утром гонец принес последнее назад даже не распечатанным. Выглядел он потрясенным, но был потрясен еще сильнее, когда Андуин твердо велел ему возвращаться в Нордрассил и попробовать снова. И как бы король ни утешал себя, как бы ни твердил самому себе, что рознь меж людьми и ночными эльфами – дело временное, поправимое, само существование этой розни удручало так, что словами не описать. Людям и эльфам следовало объединиться, твердо держаться друг друга, однако и гнев их Андуин вполне понимал. Если б подвластный ему Штормград сгорел дотла, пожалуй, ему тоже нелегко было бы простить такое... а может, и вовсе бы не удалось.

Вдруг к западу от фермы Сальдена взвились к небесам клубы дыма. Сопутствовавший им грохот несложно было бы спутать с раскатом грома, если б за ним не последовал явственный треск досок и крики людей.

– Что это? – пробормотал себе под нос Андуйн, направляя коня в сторону дыма и переполоха.

Шоу, крикнув, помчался за ним.

– Берегись, – предостерег старый разведчик. – Там может оказаться засада.

– Здесь ведь моя земля, мои подданные...

– И это ничего не меняет.

Но Андуйн отчетливо слышал боль в доносившихся из амбара криках и стоять, опустив руки, когда страдает один из его подданных, просто не мог. Впереди, за оградой, простиралось открытое поле с множеством стогов сена в человеческий рост высотой. Из-под конских копыт брызнули в стороны перепуганные куры. Отыскав брешь в ограде, Андуйн с Шоу спешили, накинули поводья на острые колья и двинулись дальше пешком.

– Что там могло взорваться? Надеюсь, никто не пострадал...

Андуйн ускорил шаг. Крики зазвучали отчетливее, гневные голоса становились все многочисленнее, переменявшийся ветер дунул навстречу, окутав их с Шоу удушливым дымом.

Отмахнувшись от дыма, Андуйн сощурился, пригляделся к просевшей, провалившейся внутрь кровле амбара и троим спорщикам, увлеченным перепалкой. Один из них, самый рослый, был одет в какие-то отрепья, немытые волосы слиплись от грязи, в бороде застряла солома пополам со щепками – очевидно, следы недавнего взрыва. Двое других выглядели обычными крестьянами: домотканая одежда в заплатках и стеблях скошенных трав, лица обветрены от каждодневной работы в поле.

– Яго, несчастный ты недоумок, я же позволил тебе пожить – пожить! – у меня в амбаре, а не устраивать там дурацкие эксперименты!

Между тем дым рассеялся, и, подбежав ближе, Андуйн понял, что крестьяне друг с другом в родстве, что это отец и сын (последний – просто-таки копия родителя в миниатюре, даже рыжая борода точно такая же, только седины в ней поменьше).

Старший крестьянин, подняв сжатые кулаки, бросился к Яго, однако негромкий, но безошибочно узнаваемый звук покидающей ножны стали заставил его разом остановиться и замереть. Обернувшись же, он наткнулся... нет, не на клинок – всего лишь на невозмутимый взгляд Матиаса Шоу. Меч Шоу так и остался в ножнах: одного намека на то, что он может быть пущен в ход, оказалось довольно, чтобы крестьянин остановился и призадумался.

– Джентльмены, – негромко заговорил Андуйн, успокаивающим жестом поднимая кверху ладони, – что здесь у вас стряслось?

– Никакой он не джентльмен! – взревел крестьянин. – Пьяница он мерзопакостный, а в амбаре моем самогон свой паршивый варил! Вот, поглядите, во что превратилась крыша! И на какие деньги ее чинить?

Тут он осознал, с кем разговаривает, однако только слегка склонил голову в знак почтения к королю. Сын его, наоборот, побледнел, как полотно.

– Понятно. Но я хотел бы выслушать и другую сторону, – отвечал Андуйн, поворачиваясь к Яго.

В ответ тот лишь громко, смачно сплюнул под ноги королю, отчего покачнулся, чудом не рухнул носом в траву и икнул, да так громко, что его, пожалуй, услышали даже за стенами Штурмграда. Красноречивую вонь скисшего эля из его рта не могли перебить даже запахи гари и паров самогона.

– Вот, – заплетающимся языком проговорил Яго, указывая на подсыхающий плевок. – Вот все, чего стоит моя история. Вот все, что у меня в жизни осталось. Кроме собственных костей, крови да желчи. Ничего... Я – ничто... – На миг глаза его вспыхнули огнем, щеки побагровели под слоем сажи. – Ничто...

С этим он неуклюже бросился на Андуина, однако Шоу не дремал. Молниеносно прыгнув вперед, он заслонил собой короля, наполовину вынул из ножен меч, а свободной рукой крепко стиснул плечо выпивохи.

– Не советую! – прорычал Шоу.

– Давай, давай, пускай в ход меч, – брызжа слюной, забормотал Яго, не сводя с Андуина вспухших от слез, налитых кровью глаз. Чем дальше, тем больше он казался Андуину знакомым. – Я был там! Я видел, как королева Отрекшихся обернулась против своих!

Андуин замер, как громом пораженный. Колени Яго дрогнули, и пьяница мешком рухнул наземь. Хлопья сажки закружились над ним, медленно, будто черный снег, оседая в траву.

– Арати... Я согласился пойти туда. Я был там. И мой Уилмер... он тоже пришел. Изменившийся, один из них. Истлевший, прогнивший насквозь, но все-таки – он, Уилмер... По-прежнему лучший из всех, кого я знал и любил... – вновь охваченный яростью, Яго ткнул пальцем в сторону Андуина и зарычал: – А ведь ты мог помешать ей! Мог бы спасти их всех...

Шоу бережно, но непреклонно пригнул руку Яго книзу.

– К своему королю так не обращаются.

– К королю? К своему королю? – Яго визгливо, точно безумец, захохотал. – Да какой из него король? Король Шутов, разве что!

Андуин отстранил главу разведслужбы и, изо всех сил стараясь не дрогнуть голосом, сказал:

– Все в порядке, Шоу.

С этими словами он, пряча внезапную дрожь в коленях, присел, склонился к упавшему. Как же ему до сих пор было стыдно за тот день, за тот непростительный промах... На нагорье Арати он отправился с открытой душой, искренне стремясь уничтожить брешь, отделившую нежить – тех, кто в посмертии стал Отрекшимися – от их родных и близких, оставшихся людьми. Началась встреча хорошо, а вот закончилась скверно. Королева Отрекшихся, Сильвана Ветрокрылая, ныне – враг номер один для всего Азерота, подняла руку на собственных подданных, истребила всех, кто предпочел воссоединиться и остаться с теми, с кем был близок при жизни.

– Прости, Яго, – сказал Андуин. – Я...

С силой оттолкнув его, Яго кое-как поднялся на ноги и побежал в поле. Шоу немедля рванулся следом, но, как оказалось, напрасно. Не пробежав и пяти шагов, Яго широко раскинул руки и упал ничком в грязь – причем, всего в паре дюймов от остроносого кожаного сапога Аллерии Ветрокрылой. Появления ее Андуин не слышал, и коня при ней не оказалось, однако у следопытов имелись иные, более хитроумные способы передвижения.

– Жив. Дышит, – сказала эльфийка, легонько ткнув упавшего в бок носком сапога.

– Вот счастье-то какое, – сухо проворчал старший из крестьян.

Андуин поднялся и твердым шагом двинулся к Аллерии. Крестьянин меж тем вцепился в Шоу с жалобами насчет разоренной крыши:

– И как теперь, спрашивается, платить за починку? У Яго ведь за душой – ни медяка!

– Обратись к капитану Данувину, – невозмутимо отвечал ему Шоу. – Он одолжит тебе в помощь ребят из гарнизона.

– Ну да, конечно, – буркнул крестьянин. – Уж он одолжит...

Остановившись в каком-то волоске от ног Яго, Андуин взглянул на Аллерию поверх его распростертого тела.

– Быстро же ты, – с замиранием сердца сказал он.

Разумеется, забывать о насущном деле он не собирался. Яго был ему небезразличен, как и каждый из жителей королевства, но появление Аллерии имело самое прямое отношение к его горю. Злодейку, лишившую жизни Уилмера, надлежало разыскать и призвать к ответу – тем более, что Уилмер был только одной из ее бесчисленных жертв. Именно это дело особой важ-

ности – поиски Сильваны Ветрокрылой – и было поручено Аллерии, но столь скорого успеха король вовсе не ожидал.

Подхватив Аллерию под руку, Андуин повел ее к брешу в ограде, к коням, волновавшимся на привязи.

– Так что же? – настойчиво спросил он. – Раннее возвращение – добрый знак, или?..

Изящное, бледное лицо Аллерии Ветрокрылой было наполовину скрыто под капюшоном плаща, однако поджатые губы могли свидетельствовать лишь об одном – о разочаровании. Вдобавок, взгляд ее был устремлен под ноги, а плечи красноречиво окостенели.

– Нет, – прошептала Аллерия.

Всего одно слово, а сколько чувств в голосе... Эльфийка выглядела усталой и изнуренной; на фоне темных кругов ее глаза, тронутые Бездной, сияли особенно ярко.

– Нет, мой король, сегодня у меня нет для тебя добрых вестей.

Подойдя к ограде, Андуин изо всех сил стиснул одну из поперечных жердей. Старое рассохшееся дерево жалобно затрещало. Как же ему захотелось сломать эту жердь: пусть треснет, разлетится в щепки!..

Охваченный яростью, король смежил веки, словно бы опасаясь того, что Аллерия может увидеть в его глазах.

– Моя сестра – не тупой ленивый кабан, что без оглядки, у всех на виду, ломится через равнины, – продолжала Аллерия, отступив от Андуина на шаг и скрестив руки на груди, поверх зеленой с золотом кирасы под плащом. – Она хитра, умна, и, прячась, призывает на помощь все свои темные силы.

– А ты – лучшая охотница из всех, кто мне известен, – процедил Андуин сквозь стиснутые зубы. – И вовсе не та, от кого я ждал неудачи. Аллерия, ты знаешь ее, как никто другой. На тебя мы надеялись в первую очередь.

Подошедший к ним Шоу не проронил ни слова – лишь смерил эльфийку Бездны пристальным взглядом. Андуин с Аллерией тоже на время умолкли. Гроза полным ходом мчалась к лугам, ввергая в буйную ярость ветра. Небольшое стадо жутеклыков, тревожно визжа, галопом бросилось к лесу. По небу, в сторону Сторожевого холма, стремительно пронесся грифон. Скрипевшая в ладони жердь дрогнула. Ах, как Андуину хотелось ее сломать...

Казалось, стоит сломать хоть что-нибудь, и на сердце станет легче.

Они отразили нашествие Легиона, одолели Саргераса, принесшего в мир ужас, огонь и гибель. Сколькие пали под натиском этого самого Легиона? Сколько душ, сколько разумов было искажено, изодрано в клочья безумия Н'Зотом? Против мощи Альянса не смог устоять даже Древний бог, а вот одна-единственная женщина... Одной-единственной женщине удалось избежать правосудия. Несложное на первый взгляд дело – отыскать ее – оказалось задачей весьма непростой, а то и вовсе невыполнимой.

– Поисков мы не бросим, – твердо заверила Андуина Аллерия. – Не может же она прятаться вечно. Вскоре ей придется показаться на свет, и вот тогда на нее обрушится вся мощь нажитых ею врагов.

Андуин медленно открыл глаза, повернулся к светловолосой эльфийке, и, едва встретившись с ней взглядом, почувствовал, как замерло сердце, услышал жуткий, мерзкий шепоток, донесшийся из темных глубин памяти. Ведь когда-то Аллерия предлагала ему натравить на Н'Зота Сильвану. И она, и ее сестра Вериса полагали такой ход самым разумным, но Андуин счел предложение абсурдным, и с тех пор мнения не изменил. Разумеется, кровь есть кровь, и обе имели полное право верить в отвагу сестры. В конце концов, отчего бы не столкнуться лбами двух ключевых противников? Но Андуин отказался. Силы Сильваны сомнений не вызывали, но сейчас...

Кажется, Шоу окликнул его по имени, но Андуин словно бы с головою погряз в темных чарах этих воспоминаний. Отчего Аллерия обратилась к нему с подобной просьбой? Как она

могла оказаться настолько слепой, чтобы хоть в чем-то довериться Сильване, коварной, вероломной до мозга костей королеве Отрекшихся, а после не суметь справиться с явно, недвусмысленно поставленной задачей – разыскать сестру и помочь Андуину призвать ее к ответу?

Может статься, Аллерия что-то скрывает. Может статься, в холодном мерцании ее глаз таятся не только безграничные тайны Бездны. Откуда ему, Андуину, знать, что Аллерия действительно на его стороне? Что, если, приблизив ее, он безоглядно, глупо рискует?

На столь же глупый, безоглядный риск он пустился, доверившись Сильване там, на нагорье Арати – наивный мальчишка-король, поверивший словам змеи... Но нет, свою верность Аллерия доказала не раз, и сейчас говорит чистую правду: Сильвана – дичь не из легких. Охота продолжится, и он, король Штормграда, найдет в себе силы сохранить веру в победу. Должен найти. Обязан. Да, пределы своих возможностей следует знать, но сейчас их предела он еще не достиг, никак не мог достичь: слишком уж многое от него зависит.

Жердь ограды треснула, сломанная пополам. Еще одна вещь, требующая починки... еще одна строка в длинном-длинном списке того, что надлежит исправить.

– Идемте, – негромко сказал Андуин, отворачиваясь от обоих. – Гроза вот-вот будет здесь. Давайте вернемся в Штормград и решим, что предпринять дальше. Сильвана не успокоится, а потому и мы сидеть сложа руки не станем.

Глава первая. Оргриммар

Как ни удивительно, в сухой жаре и неумолчном шуме Оргриммара чувствовалось нечто родное. Пожалуй, все это напоминало возвращение в беспутную, своеобразную семью, которой Тралл, сын Дуротана, некогда – военный вождь Орды, может, и не выбирал, но привык относиться к ней с уважением. Возвращаясь в столицу Орды, Тралл ожидал отвращения, неприязни к знакомым запахам и сумятице, однако к ритму большого города приноровился на удивление просто.

Настолько, что эта легкость и простота даже немного пугала: ведь жизнь не стояла на месте, жизнь изменилась, а вместе с тем изменилась и сама Орда. Да и как могло быть иначе? Теперь уж один военный вождь править всеми был бы просто не в силах. Подобно причудливой, странной семье, Орда росла, страдала, расширяла границы и отступала, и вот, наконец-то, стоит надеяться, ощутила себя не скопищем разных народов, объединенных единственным голосом, но хором сильных, громких голосов, звучащих, словно один.

Волки сильны стаяй, числом, и здесь, в крепости Громмаш, на Совете Орды, рядом с Траллом собралось немало отборных волков.

«Не бойся, – думал он, приглядываясь к собравшимся. – Ты никого не ведешь за собой. Ты – просто равный среди равных».

Гордости эти мысли не уязвляли – скорее, наоборот, радовали.

Упершись ладонями в колени, подавшись вперед, Тралл слушал пару юных тауренских храбрецов, что, стоя в центре зала, заканчивали доклад. Заметив в Северных степях, на взгорке, пару шпионов из темных следопытов, они сообщили о них ближайшему патрулю старших, опытных воинов, после чего шпионы были выслежены и схвачены. Правда, оба успели проглотить какое-то мерзкое зелье и умерли прежде, чем их удалось допросить, однако глазами Темной Госпожи в Дуротаре им более не служить.

В зале небрежно захлопали, а юные храбрецы выпрямились во весь рост, гордо выпятили мохнатые груди, пристукнули об пол древками копий, направив острия к потолку. Глядя на них, Тралл невольно задумался, долго ли им суждено прожить, в каких холодных, суровых дальних краях встретят они свою смерть, кто из родных и близких оплачет их, смолотых в прах жерновами войны...

Нет. Нет. Скоро со всем этим будет покончено. Затем и собрался сегодня Совет, чтобы отречься от кровавых прихотей одной из правителей в пользу политики более мирной. Да, многие все еще морщились, едва слышав о перемирии, однако Тралл полагал, что Орде очень нужна передышка.

– Молодцы! – подняв кубок, крикнул тауренам Лор’темар Терон, предводитель эльфов крови, обладатель длинных, необычайно светлых волос, жуткого шрама поперек левого, незрячего глаза и остроконечной, уложенной волосок к волоску бородки. – Смело, смело! Поднимем же тост за этих бравых воинов Орды. Лок-тар!

– Лок-тар! – поддержали его остальные.

Тралл тоже поднял кубок, но тут его взгляд упал на пустое кресло рядом с одетым в алое с золотом предводителем эльфов крови. В сторону этого кресла то и дело поглядывал каждый, и сам Лор’темар нет-нет да косил на него зрячим глазом. Ну не забавно ли: Совет собран именно по поводу сомнительных действий и добровольного изгнания Сильваны Ветрокрылой, а на ее месте, на месте законного представителя Отрекшихся – никого!

Между тем на встречу Совета не поленилась явиться даже Таланджи, новая королева далекой империи Зандалари. В кругу собравшихся она расположилась напротив Тралла и до сих пор не сказала почти ничего, хотя подобная молчаливость – это Тралл помнил – дерзкой юной королеве была вовсе не свойственна.

Рядом с нею, у самого входа, сидел еще один недавно пришедший к власти правитель – новоиспеченный торговый принц Картеля Трюмных Вод, и если ростом Газлоу был отнюдь не велик, то шумел – докладывал о чем-то, спорил да возражал – больше всех остальных вместе взятых.

Едва гоблин налил себе очередную порцию эля, в зал сквозь открытые арчатые двери стремительно ворвались двое новоприбывших. От неожиданности тауренские храбрецы вздрогнули, вскинулись, а Газлоу выплеснул добрую половину содержимого кружки прямо себе на рубашку и недовольно заворчал, затряс пучком волос на макушке, с яростью оттирая пятно.

Столь демонстративно отсутствовавший член Совета, наконец, объявился. В зал, еле переводя дух, вбежала, стрельнула взглядом из стороны в сторону худощавая, золотоглазая неупокоенная. Держалась она так, будто об опоздании нимало не сожалеет. Призрачно-бледная женщина, также неупокоенная, следовавшая за ней, выглядела куда хладнокровнее. Оказаться еще более разными эти две дамы не смогли бы при всем желании: от одной злключения оставили лишь кожу да кости, другая же, гладкая, ничуть не тронутая тлением, так и сияла заораживающим внутренним светом.

Запоздалое появление временной правительницы Отрекшихся, Лилиан Восс, в сопровождении Калии Менетил целиком завладело умами всех живых и дышащих существ, собравшихся в крепости. Казалось, Калия следит за каждым шагом Лилиан, будто намерена после досконально разобрать все ее промахи. Оставленные без внимания, двое храбрецов посреди зала заозирались, неловко переминаясь с ноги на ногу в наступившей тишине. Наконец Бейн Кровавое Копыто жестом велел им отойти в сторону. Оба, волоча ноги, вернулись к нему и устроились на полу, за спиной верховного вождя тауренов.

Все до единого молчали: похоже, никто не знал, что сказать, особенно новоприбывшие.

Лилиан Восс поправила ветхий мешок на плече. Ее сапоги, наголенники и плащ были густо забрызганы свежей грязью.

Наконец беловолосая, в белых татуировках, первая чародейка Талисра, сидевшая справа от Тралла, деликатно кашлянула в кулак.

«Я среди них не главный», – напомнил самому себе Тралл, однако затянувшееся молчание становилось невыносимым. Хочешь не хочешь, пришлось подняться и с теплой, радушной улыбкой распахнуть объятия навстречу новоприбывшим.

– Как же нам вас не хватало, – загремел Тралл. – Без Отрекшихся Орда – не Орда!

Лилиан кивнула и с такой силой закусила губу, что Тралл встревожился: как бы кожу не повредила. Спутница Лилиан, светозарная Калия Менетил, облаченная в жреческие одеяния, выступила вперед и склонила голову, потряхнув серебристыми локонами.

– Весьма любезно с твоей стороны.

– Прошу, присоединяйтесь, – сказал Тралл, вернувшись на место и указав на свободные высокие кресла, приготовленные для Отрекшихся.

– К вашим услугам лучшие угощения в Оргриммаре, а к ним – и вина, и мед, и... э-э... то есть, мы в вашем распоряжении, – сказал вульпер по имени Киро, смущенно потирая лапы.

Что ж, к Орде вульперы примкнули совсем недавно, и удивляться его оплошности не стоило.

– Прошу, присаживайтесь, – негромко добавил он.

Промашка рыжего вульпера разрядила общую напряженность, а особенно развеселила Газлоу. Неупокоенные в еде и питье не нуждались, но, к радости Тралла, оскорблением оговорку Киро не сочли. Тем временем огромный, в убранстве из перьев, Бейн Кровавое Копыто и Лор'темар, сидевшие рядом с пустовавшими креслами, тепло приветствовали обеих.

– Позвольте полюбопытствовать, что вас так задержало? – спросил Лор'темар, как только дамы сели.

– Нашему народу подолгу жить в Оргриммаре не по силам, – ответила Лилиан, наконец-то обретшая дар речи. Стоило ей усесться и избавиться от ноши, она заметно расслабилась, сняла кожаный плащ, расправила плечи, и ее синие глаза засияли куда ярче прежнего. – Слишком здесь жарко. Мы предпочитаем тени и сырость. Возможно, со временем руины Лордерона удастся отбить, и мы вернемся на родину. Сейчас, во время перемирия, положение не столь горячо, но это не значит, что корабли Альянса рады видеть в морях наши флаги.

Сидевший напротив, рядом с торговым принцем, и увлеченно точивший кинжал Рокхан, тролль Черного Копья, с шипением вскочил на ноги. Клыки его, готовые к бою, блеснули не хуже клинка.

– Они что же, подняли на вас руку?

– Мы обошли их далеко стороной, – прошелестела Лилиан. – Это и удлинит нам путь дня на два.

– В столь напряженные времена следует поостеречься, – негромко добавила Калия, устало пожав плечами, а потом сняла и аккуратно свернула выгоревшую на солнце синюю шаль. – Иначе как бы до дипломатических инцидентов не дошло. Но я уверена: если б нас перехватили, Дерек Праудмур непременно вмешался бы, и...

– Праудмуры нам ничем не помогут.

Ну вот... Стоило Траллу почувствовать, что гул напряженных нервов в зале стихает, с места поднялась юная королева зандалари. Сочась ледяным презрением, негромко звякнув множеством золотых украшений, Таланджи рассекла воздух ребром ладони. Тень ее необычайно высокого, сверкавшего самоцветами головного убора вытянулась через весь зал, задрожала в отсветах факелов.

Собравшиеся зароптали, заерзали, скрипя кожей и лязгая сталью. Стоявший за спиной Тралла паж, Зекхан, шумно перевел дух.

– Орда не смогла помешать нападению на Зандалар, но я приняла эту неудачу как должное, уверенная, что, оправившись от поражения, мы сможем дать бой Альянсу и Праудмурам, – продолжала Таланджи. Голос ее дрожал от сдерживаемых чувств. – Мир с Альянсом означает мир с Праудмурами, с Джайной, а я-то, глупая, верила, будто мой народ сможет им отомстить.

Тралл с силой ущипнул себя за переносицу. А ведь как ровно да гладко все шло! Хотя... наверное, этого следовало ожидать. Собравшиеся правители были такими разными, настолько по-разному понимали, что значит быть частью Орды, что и будущее, несомненно, видели каждый по-своему...

Встревоженный ропот в зале начал набирать силу. Но прежде, чем Тралл успел чем-либо успокоить новую королеву зандалари, Лилиан без раздумий ответила:

– Теперь Дерек – один из нас. И с этим тебе придется смириться.

Таланджи, зарывав, угрожающе шагнула в сторону правительницы Отрекшихся.

– *Ни с чем* я мириться не обязана. Я нужна вам и думала, что Орда нужна нам, но теперь вижу: по справедливости расквитаться за осаду Зулдазара вы нам не поможете.

Лилиан, не моргнув глазом, поднялась на ноги и ткнула костлявым пальцем в сторону королевы троллей.

– Дело не только в справедливости для зандалари! Дело в справедливости для всех. Довольно отодвигать Отрекшихся в сторону, плевать на них да игнорировать! Дерек – Отрекшийся, а Отрекшиеся – часть Орды.

В зале согласно загудели.

– Так, может быть, зандалари в Орде чужие? – запальчиво возразила Таланджи.

Похоже, настал ее звездный час: выйдя на середину зала, она возвысила голос, перекрывая гул множества негромких дискуссий:

– Где же ответ Орды? Где поддержка, где помощь моему народу? Когда вы соизволите признать наши беды?

– Действуя опрометчиво, мы поставим перемирие под угрозу, – вполне разумно, на взгляд Тралла, напомнила ночнорожденная чародейка Талисра.

Сидела Талисра спокойно, нога на ногу, руки изящно сложены на бедре, безмятежный взгляд устремлен на королеву Таланджи и Лилиан Восс, готовых броситься в драку.

– Не стоит забывать: ресурсы у нас на исходе, – рассудительно вставил Лор’темар. – Прежде, чем ввязывать наш флот в ваши стычки, следует дважды подумать. Возможно, лучшее решение – дипломатия, делегация в Кул-Тирас и...

– Делегация?! Дипломатия?! – загремел Рокхан, покачав головой. – Тьфу! Услышь мои предки такие трусливые речи посреди крепости Громмаш, они бы горькими слезами заплакали!

Услышав это, орки-маг’хары, сгрудившиеся вокруг троллей Черного Копья, схватили оружие и в знак согласия застучали древками копий об пол. Один из них сумел перекричать даже протесты Рокхана.

– Вот! – воскликнула Таланджи, указывая на Рокхана. – Есть ведь среди вас хоть один, не обезубевший от разговоров о мире!

– У всех у нас есть свои горести, – напомнил ей Бейн Кровавое Копыто. – Но сейчас мы должны в первую голову думать об интересах Орды. Да, ваше высочество, это непросто, но простоты никто и не ожидал. Ничего, со временем мы сумеем расквитаться за нанесенные зандалари обиды!

– «Со временем»?! – возмущенно ахнула Таланджи.

Только тут Тралл заметил, что, кроме него, сидящих в зале почти не осталось. Все повскакали с мест, зашумели, заспорили, а Тралл под шумок, под обрывки их сетований на давние обиды, переглянулся с Бейном Кровавое Копыто и Лор’темаром. Главный он здесь, или нет, а призывать всех к порядку, как это ни неприятно, похоже, придется ему. Конечно, Бейн сделал все, что мог, однако вождю тауренов требовалась поддержка.

Следом за Траллом на ноги поднялся Бейн, затем – Лор’темар, и, наконец, Талисра. Встали они молча, однако собравшиеся заметили это почти сразу. Один за другим голоса спорящих стихли, все взгляды устремились на вождей. Но прежде, чем Тралл успел призвать к тишине, Таланджи развернулась и стремительно покинула зал. Ее телохранители встрепенулись, засуетились, и нервно, слегка виновато поклонившись Траллу, помчались догонять королеву.

– Великолепно, – со вздохом подытожил Тралл. – Заседание откладывается. Поедим, выпьем, а после соберемся снова.

«Если сумеем собраться», – добавил он про себя.

Завуалированное предупреждение поняли все до единого. Собравшиеся робко отвели взгляды в сторону, а Тралл двинулся сквозь толпу правителей и их спутников к выходу. Все молча расступались, освобождая дорогу. Тралл был еще вовсе не стар, но каждый шаг через зал придавал сил усталости, угнездившейся в каждой косточке, в каждой жилке.

На что же он согласился?

Гоня прочь тупую боль, зарождающуюся в затылке, у основания черепа, Тралл вновь стиснул пальцами переносицу. Настолько разбитым он не чувствовал себя даже после самых жестоких стычек и драк. Волна ароматов степных трав и взрыхленной земли, согретой жаром предвечернего солнца, пробудила к жизни множество воспоминаний. Сощурившись, он вышел наружу, прикрыл ладонью глаза и вспомнил, как совсем недавно, окруженный такими же ароматами, стоял высоко над покатыми склонами мулгорских долин, на самой вершине Громового Утеса. Стоявшая рядом Джайна Праудмур, предмет лютой ненависти Таланджи, уверяла его, что их непрочный союз стоит борьбы и кровопролития, без коих дело наверняка не обойдется...

– Орда, Альянс, – отвечал он ей. – Джайна, мы вновь и вновь возвращаемся к этому перекрестку, и каждый раз все разваливается. Что же изменилось теперь?

Рука Джайны нежно легла на его плечо – может быть, этот простой жест и тронул Тралла куда верней всяких слов.

– Мы.

В тот день Тралл ей поверил, но сегодня засомневался, не совершил ли ошибки: казалось, до сих пор звенящий в ушах спор на Совете раскалывает голову пополам.

Беспощадное солнце потускнело, окутанное пеленой клубившейся над Оргриммаром пыли. Два ряда церемониальных факелов ограждали затянутый дымом путь от крепости Громмаш к дюжине пиршественных столов под импровизированными алыми шатрами, украшенными эмблемой Орды. Как и следовало ожидать, снаружи, у входа в крепость, собрались огромные толпы зевак. Вышедших следом за Траллом членов Совета встретили оживленными перешептываниями и любопытными взглядами. Дух вокруг царил праздничный: барабаны, флейты, флажки в виде рогатых ветрокрылов, звучно трепещущие над головами сжимающих их в руках малышек... Детишек родители вытолкали вперед, к самому ограждению вокруг шатров, а самых маленьких подняли на руки.

Остановившись и чувствуя, как согреваются под жарким солнцем его обнаженные плечи, Тралл скорбно улыбнулся паре маленьких орков, покачивавшихся на отцовских плечах. Стоило только махнуть им рукой, к Траллу рысцой подбежал Зекхан. Мимо неспешно прошел Лор’темар рука об руку с первой чародейкой Талисрой, увлеченно внимая рассказу о небывалых достоинствах лучших вин ночнорожденных, припасенных ею для пира.

– Что на сей раз? – спросил Тралл.

Он, как всегда, ясно видел: храбрый тролль-шаман нагнал его не просто так. Парнишка многое знал и умел... вот только чувства скрывать до сих пор не научился.

– К тебе гонец от Служителей Земли, – сообщил Зекхан.

Прочие члены Совета, обогнув их, медленным шагом двинулись к пиршественным шатрам. Лор’темар, откровенно упивавшийся восторгами и любопытством толпы, отнюдь не спешил за стол.

– Я же сказал: сейчас время пира, – буркнул Тралл.

– Но это ты непременно захочешь услышать.

«Что на сей раз?» вполне могло стать состоянием непреходящим – это Тралл осознал вскоре после того, как сделался военным вождем. Отвернувшись от толпы, он оказался нос к носу с серолицым, рябым, бородатым стариком-орком со шрамом поперек губ.

– Юха? – удивился Тралл.

Да, гонец оказался вовсе не прост. Шамана он узнал сразу же. Вместе, в одном строю они отражали нашествие Легиона, и вынудить Юху оставить пост у Водоворота могла только самая крайняя необходимость.

– Тром-ка, старый друг! Что привело тебя в Оргриммар?

Оба хлопнули друг друга по плечам, и Юха, пожевав щеку, глубоко, сокрушенно вздохнул.

– Духи, Тралл. Неладное с ними творится. Раньше мы говорили с предками тихо да мирно, теперь же они на нас гnevаются, ярятся. Негодуют они. В мудрости своей нам отказывают. Скверное дело. Что-то, друг мой, здесь не так.

С этими словами Юха нервно перебросил резной посох шамана из руки в руку, а ведь подобная суетливость испытанному боями и временем провидцу была совершенно не свойственна.

– С каких пор? – негромко, так, чтоб его слышал один только Юха, спросил Тралл.

Зекхан, почувствовав, что его к разговору не приглашают, услужливо отошел в сторонку.

– Я торопился, как мог, – отвечал Юха. – Долгие путешествия даются мне нелегко, но я знал: уж меня-то ты, старый друг, выслушаешь.

– Еще бы! Ты ведь из тех, чьи кости с места разве что конец света сдвинет, – пошутил Тралл, но оба лишь коротко, сухо хмыкнули.

– Шутки шутками, но такого переполоха в мире духов я еще не видал, а ведь ты знаешь, сколько долгих-долгих зим мне довелось пережить.

Тралл кивнул, крепко стиснув плечо шамана.

– Я тебя понимаю, Юха. Совет об этом узнает, и я сам позабочусь, чтобы твои тревоги не оставили без внимания.

Морщинистое лицо старого орка расплылось в облегченной улыбке.

– Поспеши, сын Дуротана, не мешкай. Предки взывают к нам, и мы должны к ним прислушаться.

Глава вторая. Назмир

Сцепив пальцы под подбородком, Апарри любовалась последними каплями жизни, вытекающими из глаз бедняги Сеши. Впрочем, нет, не бедняги – *глунца* Сеши. Старая рана в ноге болезненно заныла, но Апарри и глазом не повела: слишком уж важным была занята делом.

– Ты сам выбрал смерть, – негромко пояснила она, – когда выбрал... *ее*.

– В-ведьма!

Эхо его последнего выкрика зазвенело под сводом сырой пещеры. Казалось, крик вырван из горла тролля самим лоя смерти. На миг голубые глаза умирающего вспыхнули огнем отчаяния, но тут же остекленели, утратили всякое выражение, уставились на что-то в дали, за плечом Апарри. На другом ее плече, нахохлившись, подобрившись, сидел, втягивал крохотным ротином на кончике острого хоботка воздух, несомненно, смакуя запахи смерти, проголодавшийся жуткий клещ.

– Не в этот раз, Даз, – предостерегла его Апарри. – Один глоток его крови, и ты станешь плоским, будто монета – все потроха наружу!

Рыгунец... травка, для Первобытных топей обычная, будто облака, однако Сеши замертво рухнул на огромную каменную плиту – остаток колонны из руин Зул'джана, что на востоке. От мертвого тела пахнуло резкой омерзительной вонью, багровая кожа покрылась морщинами, обвисла, будто кожура высушенного плода. Стук капель жидкости, потекшей наземь с края плиты, слился с негромким «кап-кап-кап» речной воды, сочившейся внутрь сквозь трещины в своде пещеры. Неумолчный гул водопада, заслонявшего вход в пещеру, на миг сменил тон, и за спиной Апарри раздались едва уловимые шаги одной из самых доверенных ее полководцев.

– Вот так оно и случится? – спросила Тайо, остановившись у трупа рядом с Апарри и морща нос. – Так же умрет и королева-изменница?

Нос ее украшал огромный осколок кости, воткнутый в перемычку между ноздрей, длинные клыки венчали острые золотые наконечники. Измазанный илом пополам с черной краской, хвост волос на затылке казался потоком смолы. Верной подругой и правой рукой Апарри Тайо была с тех самых пор, как Язма пыталась устроить переворот. Родные Тайо вполне разделяли убеждения главы королевской разведки, отчего и были отправлены Таланджи в изгнание под страхом смертной казни, если вздумают воротиться.

– Рыгунец и корень речного гороха, – пояснила Апарри, продемонстрировав Тайо мешочек, туго набитый порошком. – Мое собственное творение, сестра. Рвотное снадобье, что очистит от гнили сердце нашей великой страны.

В травах и корешках, в порошках и припарках Апарри толк понимала. Получив скверную рану в ногу, в попытках унять сперва боль, а после – опухоль и вонь загноившейся плоти, она перепробовала все, что могла. Только вот все напрасно: рана сочилась гноем, воняла, и, наконец, Апарри просто смирилась с ней, как и со всеми прочими шрамами да злоключениями, со всей прочей памятью о понесенных утратах. А рыгунец в джунглях Зулдазара рос повсеместно, и деревенские целители пользовались им как рвотным, когда кто-нибудь из детишек наестся какой-нибудь отравы. В надлежащих количествах он шел только на пользу, но, высушенный, истолченный и смешанный с корнем речного гороха, становился смертельным ядом, и смерть от него была не самым гладким путем туда, в Другой Мир.

– Да, она заслуживает страданий, – кивнула Тайо. – Когда же это будет сделано?

Апарри повернулась к верной подружке и соратнице. То было куда более приятное зрелище, чем ссохшийся сморщенный труп на каменной плите.

– Она должна встретить смерть на глазах у всей своей драгоценной Орды. Предпочла их собственному народу, так пусть среди них и умрет, – презрительно усмехнулась она. – Предки возрадуются.

– Предки возрадуются, – эхом откликнулась Тайо, коснувшись сжатым кулаком груди, крест-накрест перехлестнутой парой кожаных патронташей, набитых ярко оперенными отравленными дротиками. – Есть новости. Бледный всадник здесь, прибыл с эльфийкой из неживущих. Оба ждут не дождутся встречи с тобой.

За спиной зашипел выходящий из мертвого тела воздух. Обернувшись, Апари увидела, как сводит судорогой мускулы плеч и груди мертвеца. Губы Сеши растрескались, изо рта потекла черная желчь. На миг Апари представилось, как точно такая же жижка течет по подбородку Таланджи, как меркнет, тускнеет блеск ее глаз... Рыгунец очищал тело от хворей, но тут дело зашло куда дальше и смертью одного тролля обойтись никак не могло. Таланджи стала символом всей порчи, поразившей империю Зандалари, и ее воцарение – не более, чем грязное пятно на древней и славной истории страны. Ах, как бы хотелось Апари своими глазами полюбоваться на королеву-изменницу, в бесплодном отчаянии сжимающую собственное горло!

– Апари...

Апари кивнула, и Тайо вернулась ко входу в пещеру, к завесе из водяных струй. Проголодавшийся Даз на плече встрепенулся, забеспокоился. Стайка завролисков снаружи, за водопадом и тенью, укрывавшими устье пещеры, захрюкала, завизжала, чуя опасность.

– Ступай, – негромко сказала Апари. – Поохоться.

Клещ шумно расправил серые крылья, впился когтями в плечо, оттолкнулся и скользнул вперед, к струящимся сверху потокам воды. Апари бросила взгляд ему вслед. За водопадом ярко сияло солнце, краски сменяли одна другую так быстро, что это вполне могло оказаться всего лишь игрой воображения... но нет, радуга перед глазами не тускнела, не исчезала, окрашивала сумрак пещеры пурпуром и лазурью. Добрый знак.

Устремившийся к солнцу, будто пущенный детской рукою мяч, Даз едва не зацепил мягким крылом макушку входящего.

Ну вот. Они здесь.

Апари пробрала дрожь. Дело пошло, вправду пошло, и Апари внезапно воспрянула духом. Подобного возбуждения она не испытывала давным-давно – можно сказать, целую вечность!

Сложив перед грудью ладони, звякнув тяжелыми кольцами, Апари захромала навстречу гостям. Вошедший – красноглазый, темноволосый – раздраженно отмахнулся от Даза и рывком распахнул ворот плотного черного плаща. Вошедшая следом за гостем Тайо была выше него на целую голову, почти не уступая в росте его закованной в латы спутнице.

– Бледный всадник! – воскликнула Апари. – Мы рады тебя приветствовать, но через два часа уходим. Подолгу на одном месте мы не остаемся, и солнце над нашими лагерями никогда не садится дважды.

– Разумная предосторожность, – согласился гость, оглядев пещеру, остановив взгляд на омерзительном зрелище за спиной хозяйки и деланно усмехнувшись. – Мы прибыли, дабы обсудить нашу... договоренность. Нельзя ли нам побеседовать где-либо еще, или в ваших болотах вот это означает особую обходительность?

– Нет, – отвечала Апари, кивнув гостю в знак уважения, однако не кланяясь. С некоторых пор Апари не кланялась никому. – Не обходительность, но обещание.

Гость вопрошительно изогнул черную бровь. Сопровождавшая его эльфийка нетерпеливо вздохнула. Ее кожа – болезненно-розовая, сплошь в венах и крапинках – внушала не меньшее омерзение, чем паутина ужаса небес. Под мышкой она держала странный крылатый шлем, и, глядя на нее, Апари слегка удивилась: как только ей удастся биться, с ног до головы обвешан-

ной тяжелой броней? Впрочем, в опасности эльфийки она ничуть не сомневалась: кровожадные искорки в ее глазах затмевали собой любую культуру, любые обычаи.

– Обещание, – повторила Апары, отвечая на безмолвный вопрос мертвеца. – Обет, данный матери, испившей яд Шадры, и всем зандалари, заслуживающим большего, чем корона и боги, ничуть о них не заботящиеся.

С этими словами она извлекла из кармана стебелек рыгунца и подняла его, поднося к свету.

– Шадры больше нет. И Язмы нет. Но яд остается. Яд в моем сердце... а вскоре – и яд в жилах королевы-изменницы.

Зекхан не уклонился от неумолимого сапога войны, сидя без дела. Нет, он научился становиться полезным, оставаться полезным и понимать, когда его полезность подходит к концу. Рядом с Вароком Саурфангом, на стенах Лордерона, он оказался, вовсе не ковыряя в носу, вовсе не предаваясь безделью. Вот и сейчас, в то время как его командир завел негромкий, но напряженный разговор с шаманом, присланным от Служителей Земли, Зекхан занялся делом.

Будто бы невзначай пристроившись позади рослого, не на шутку взволнованного Рокхана, предводителя троллей Черного Копья, укрывшись, так сказать, в его тени и не обращая внимания на приветственные крики толпы, Зекхан смешался с толпой членов Совета, их телохранителей, приближенных да прихлебателей, и вместе со всеми двинулся под манящую сень пиршественных шатров. Он был вовсе не так глуп, чтобы принять общее ликование на собственный счет. Нет, он держался в тени и был тенью: вначале тенью отца, затем – Саурфанга, ну а теперь – Тралла.

И, точно тень, смешался с толпой в поисках чего-нибудь интересного.

– Не давай рукам облениться, а разуму затупиться, – учил отец, Хекази, когда Зекхан еще был ростом ящери по колено, – и никогда не останешься без дела и без забавы.

Сегодня работа с забавой шли рука об руку. Перед шатрами почетных гостей ждал круг барабанщиков, а в кругу буйно плясали три танцовщицы. На глазах Зекхана глава гоблинов, Газлоу, бочком-бочком придвинулся к барабанщикам и принялся отплясывать какой-то дурацкий тустеп, чем здорово развеселил танцующих. Мало-помалу мерный, заразительный ритм музыки подчинил себе и остальных, подошедших к шатрам: окаменевшие плечи задвигались в такт барабанам, а при виде искусных (и весьма скудно одетых) танцовщиц сощуренные глаза распахнулись во всю ширь.

Одна только Таланджи со своими зандалари держалась поодаль – отдельно, особняком. Что ж, это Зекхана не удивило. Как ни тепло встретил Таланджи и ее спутников Совет Орды, она приняла все это едва ли не с неприязнью. Заинтригованный и, честно признаться, слегка очарованный ее красотой, Зекхан не сводил с королевы глаз. Какие изящные клыки, какая яркая синева глаз...

И, очевидно, на редкость крутой характер.

Таланджи расхаживала взад-вперед вдоль дальнего, южного края шатров, а желтоволосая юная зандалари с кожей цвета бирюзы помахивала над головой королевы огромной пальмовой ветвью. Раздраженная слабыми дуновениями ветерка, Таланджи отмахнулась от девушки, отогнала ее прочь.

А ведь, помнится, по прибытии телохранителей у Таланджи было побольше.

Зекхан озадаченно сдвинул брови. Может, одна из ее горничных потерялась? Конечно, Оргриммар – не самый запутанный в мире город, но никогда здесь не бывавшая зандалари вполне могла отстать от своих по пути на Совет и заблудиться...

«Вполне могла. Вполне могла», – думал Зекхан, нутром чуя благоприятную возможность и подбираясь поближе. Орда нуждалась в любых преимуществах, какими только удастся разжиться, а значит, Таланджи, готовую примкнуть к Орде во время войны и мира, готовую при-

вести под ее знамена новое войско, готовую прибыть на Совет из дальних краев, следовало непременно привлечь на свою сторону снова.

Однако устроенный пир на нее особого впечатления, похоже, не произвел.

– Чем могу служить, ваш-величество?

С этими словами Зекхан отвесил королеве низкий поклон, дополнив его самой ослепительной из улыбок.

Девушка, обмахивавшая Таланджи пальмовой ветвью, негромко, предостерегающе пискнула. Королева взглянула на Зекхана – вернее сквозь Зекхана – и подняла глаза к небу.

– А чем ты вообще можешь мне услужить?

Несомненно, ни его скромный наряд, ни грязь под ногтями от ее острого взгляда не ускользнули. Между тем, сама королева и ее слуги сверкали, точно светлячки в сумерках.

– Да вот, свита твоя, кажется, невелика. Если нужно послать за чем-нибудь, или чашу вина подать, то...

Таланджи склонила голову набок, негромко зазвенев серьгами в ушах.

– Так ты за мною шпионишь?

Не тот ответ, на который Зекхан рассчитывал... Заранее приготовившись к нагонию от Тралла за то, что посмел докучать королеве, он подался назад, поднял руки, признавая поражение, и тут по спине пробежала волна ледящей дрожи, будто кто-то провел вдоль хребта острием кинжала. Споткнувшись, Зекхан отчаянно взмахнул руками, качнулся назад и с маху въехал локтем во что-то твердое и вместе с тем мокрое. Кубок! Недостающий слуга Таланджи воротился назад, а Зекхан ненароком врезался прямо в него.

Кубок со всем содержимым упал на землю, а выплеснувшееся из него вино окатило Зекхановы ступни и подол платья Таланджи.

– Смотри, куда прешь! – рявкнул слуга с подносом в руках, со всех ног бросившись за откатившимся в сторону кубком. – Болван неуклюжий! Это ж было вино для самой королевы!

Выглядел он, этот слуга, куда старше Таланджи – нос крест-накрест перечеркнут шрамами, взмокший от пота лоб поблескивает на солнце...

– Всего лишь неловкость, – урезонила слугу Таланджи, невозмутимо приподнимая подол и оценивая величину ущерба. – Он ничего дурного не замышлял...

Но Зекхан, не слушая королеву, во все глаза смотрел на белоснежный шелк ее платья. В ушах вновь зазвучал голос первой чародейки Талисры: «Жду не дождусь, когда же увижу, как ты, Лор'темар впервые отведаешь нашего сангри из чародейских плодов! Мы привезли его в таком изобилии, что хватит на весь Оргриммар».

Безобразная пурпурно-синяя клякса на подоле платья королевы чернела на глазах. Мало этого – от лужи на земле явственно веяло *смертью!*

– Сейчас еще принесу, ваше величество. Я мигом!

Поклонившись Таланджи, слуга захромал к столам.

– Стой.

Присев на корточки, Зекхан провел ладонью по лужице на земле, поднес пальцы к носу, принюхался... Что бы это ни было, вином оно быть не могло. Скорее уж, травяной отвар, а то и нечто похуже.

– Что ты ей подавал?

– В-вино, – пролепетал слуга, однако пот с его лба заструился вниз по вискам. – Просто вино.

Поднявшись, Зекхан едва-едва успел вклиниться между Таланджи и слугой со шрамами на носу: тот, выхватив из-под полы кинжал, бросился к королеве. Внезапная суматоха привлекла внимание всего Совета. У пиршественных столов воцарился сущий хаос, дробь барабанов умолкла, зрители за оградой притихли, приглушенно зашептались.

– Назад! – крикнул Зекхан Таланджи. – Ко мне, за спину!

Брошенный кем-то топорик свистнул над самым его плечом. Страхнув со щеки срезанную прядь волос, Зекхан метнул вслед топорнику раздвоенную молнию. Отброшенный ее ударом, слуга врезался спиной в опору шатра, обмяк и медленно осел наземь. Метательный топорик вонзился в землю рядом, едва-едва разминувшись с целью. Тяжелые, быстрые шаги за спиной – и несостоявшегося убийцу накрыла зловещая тень подбежавшего Тралла. Вот, значит, кто топорик метнул...

– Держи его! – заорал кто-то. – Берегите королеву!

Казалось, уши заложены ватой. Встряхнув головой, Зекхан бросился следом за Траллом, но тот добраться до убийцы вовремя не успел. Кинжала старый тролль из рук не выронил и живо пустил оружие в ход, вонзив клинок в собственное брюхо и с силой рванув кверху. Тралл в этот миг уже схватил тролля за шкуру, однако кинжал сделал свое жуткое дело.

– Говори! – прорычал Тралл. – Кто тебя подослал? *Кто тебя подослал?!*

– От нашего... укуса... ей... не уйти, – только и успел пригрозить напоследок старый, сплошь в рубцах шрамов тролль. В следующий же миг его голова безжизненно склонилась набок, обветренные губы дрогнули, изо рта заструилась кровь.

Едва тролль умолк навсегда, подбежавшая Таланджи оттолкнула Тралла с Зекханом в стороны и опустила на колени подле убийцы, испачкав платье в крови.

– Он зандалари. Один из моих же подданных... Но почему?

– Всех твоих спутников нужно взять под стражу и допросить, – твердо ответил Тралл. – Убийц по одному к жертве не посылают.

– Своих подданных допрашивай, а мы возвращаемся домой! – вскипела Таланджи, вскочив на ноги. И на ладонях ее, и на платье темнели пятна крови и яда. – Хватит с нас кровопролития!

Но Тралл, тяжело вздохнув, встал у нее на пути.

– Уверю тебя...

Таланджи расправила плечи, подняла голову. Взглянуть в глаза Тралла ей, при ее-то росте, не составляло никакого труда. Зекхан, невольно съежившись, подался назад: напряженность вокруг обоих сделалась гуще смолы.

– Да в чем тебе можно довериться? Ты же не можешь дать мне ничего – ни кораблей, ни воинов... и даже личной моей безопасности обеспечить не можешь! Вижу, здесь я ни к чему. А вот Зандалар, моя родина, нуждается во мне постоянно. Раз так, значит, там мне и место.

Собрав свою невеликую свиту, королева зандалари гордо, надменно вскинула голову и двинулась прочь от шатров. Никто не сводил с нее глаз. Никто... кроме одного только Тралла. Убийца, топорик, гнев королевы – все это произошло в мгновение ока, а Зекхану снова и снова вспоминался тот миг, когда его локоть выбил из рук убийцы кубок с отравой. Он был уверен, что на ногах стоял твердо, что некто – а может, и нечто – толкнуло его назад, навстречу изменнику-зандалари.

Привлеченные происшествием, члены Совета один за другим подошли поближе. Остановившийся рядом с Зекханом Рокхан, вождь племени Черного Копья, вложил в ножны кинжалы, заулыбался и хлопнул его по плечу, да с такой силой, что Зекхан, еще не пришедший в себя после едва завершившейся сумятицы, даже слегка покачнулся.

– Хорошо сделано, парень! Быстр, как Кимбул!

«Но это же не я».

Молния – ладно, ее Зекхан еще мог отнести на свой счет, но кубок? Кубок... Наморщив лоб, он оглядел лица членов Совета. Все вокруг с облегчением улыбались. Тревогу его разделял только Тралл, державшийся позади остальных: брови нахмурены, потемневший взгляд устремлен в даль...

Между тем вокруг собрались сильнейшие из воинов Орды, и будто сговорившись с Рокханом, принялись расхваливать спасителя королевы на все лады. Услышав произнесенное кем-

то слово «герой», Зекхан отчаянно замотал головой. Да нет же, нет, какой из него герой! Он – просто парнишка из джунглей, из деревеньки, каких во вратах Оргриммара свободно поместится целая сотня. Он просто хотел принести посильную пользу, а вовсе не похвалы заслужить!

С этими мыслями Зекхан вновь отыскал в толпе Тралла и обнаружил, что выражение его лица ничуть не изменилось. Единственное темное пятнышко в безоблачном небе, единственная тучка, предвещающая дождь... немногие ее заметят, немногие прислушаются к предостережению, но если великий вождь встревожен, его тревогу разделит и мудрый воин, что служит под его началом.

Тем временем вождь троллей Черного Копья дружески обнял Зекхана, однако юноша не улыбнулся – наоборот, задрожал.

Глава третья. Дазар'алор

Донесшийся с севера ветер был жарок и сух, точно дыхание самого Вол'дуна. Стоя на вершине Великой Печати, Таланджи повернулась навстречу ветру и сделала вдох в надежде снова выпитать всем телом дух родины. Да, здесь, в джунглях, в огромном золотом городе предков, ей и место. Казалось, сейчас она стоит на самом краю света, а вокруг, куда ни взгляни, простирается жизнь, бескрайнее юное будущее. В такую ясную ночь на западе, за Храмом Пророка, отсюда были ясно видны даже пики далеких гор, вершины, окутанные изумрудным бархатом.

Родина...

Зикии одно за другим снимала с Таланджи увесистые церемониальные украшения и складывала их в ларчик, устланный тканью, с виду такой же мягкой, как и эти зеленые-зеленые горы. С каждым новым снятым браслетом или кольцом Таланджи становилось все легче, но и... непривычнее. Казалось, без всего этого убранства она незащищена. На время оторвав взгляд от джунглей, она принялась наблюдать за ловкой, искусной работой Зикии. Тех, кто служил королям Зандалара, учили оставаться практически невидимыми, ходить бесшумно, одевать царственнородных так, что их почти и не заметишь. Однако сейчас Таланджи заметила и разглядывала юную служанку во все глаза. Незатейливые темно-синие косы, миловидное личико без единого шрама, без украшений в ушах и ноздрях, не тронутое ни страданиями, ни временем...

Неужели и Таланджи когда-то была такой же наивной? Неужели и она когда-нибудь выглядела такой безмятежной?

Покончив с украшениями, Зикии закрыла ларец, убрала его на место, расстегнула украшенную нефритом и самоцветами кольчугу, надетую королевой для путешествия в Оргриммар, и терпеливо дождалась, пока Таланджи не стащит через голову подкольчужную рубашку белого атласа.

– Ступай, – велела ей Таланджи. – Мне нужно побыть одной.

– Моя королева, твоё платье испачкано, и...

– После, Зикии. Ты свободна.

Повышать голос Таланджи не пришлось. Служанка кивнула, собрала облачение королевы и вышла из тронного зала потайным коридором для слуг.

Таланджи, отвернувшись от джунглей и гор, направилась к трону. Иногда, искоса глянув в его сторону, она словно бы видела на троне силуэт отца, Растахана – тело ярко озарено пламенем неугасимых факелов по бокам, чуть ниже тяжелой, украшенной плюмажем короны блестят искорки глаз, задумчивый взгляд устремлен в даль...

Но Растахана больше нет. Растахан мертв. *Убит.*

Стоило подойти к трону, руки сами собой сжались в кулаки. В детстве Растахан иногда позволял ей посидеть в огромном кресле, в обрамлении острых клиньев, возвышающихся над головой и тянущихся к потолку, точно солнечные лучи. Подушки хранили тепло его тела, словно отец действительно был частью королевского трона.

Таланджи съежилась и задрожала: с заходом солнца жаркий ветер Вол'дуна сделался холоден. Оргриммар зандалари покинули прежде, чем кому-либо удалось уговорить Таланджи остаться, и теперь королева, как ни радовалась возвращению домой, не могла отделаться от ощущения, будто напрасно ушла с Совета, не дожидаясь его завершения. Возможно, если бы она задержалась, если бы продолжила настаивать на своем, Совет Орды согласился бы возместить ущерб, причиненный народу Зандалара? Большого от Орды ожидать не стоило: слишком уж многое значило для остальных их драгоценное перемирие... ну а что до убийц Растахана – справедливая кара вполне могла бы настичь их иным путем.

Однако Таланджи ушла из Оргриммара ни с чем.

Нет, не ни с чем – со страхом в сердце и с черным пятном на платье. Если бы тот рыже-волосый тролль не столкнулся с убийцей и не выбил из его рук кубок с ядом, лежать бы ей мертвой в песках Дуротара с облепленным мухами ртом.

– Бвонсамди, – шепотом позвала она лоа смерти.

Отец, испуская последний вздох, переложил бремя заключенного с лоа могил договора на плечи дочери, и вместе с отцовским тронном к Таланджи перешло отцовское проклятие.

Серая дымка, за клубившаяся у ее ног, оказалась куда холодней переменчивых ночных ветров. Клубы тумана густели, затягивали тронный зал, пока Таланджи не услышала знакомый звук. Появление Бвонсамди предвещал сдавленный вздох царства мертвых – не столько фанфары, сколько горестный плач.

Окутанный щупальцами голубоватого дыма, лоа могил повис над тронном зандалари. Большую часть его лица покрывал костный нарост в форме черепа – одна только вечная самодовольная улыбка и оставалась на воле. Грудь лоа украшали мерцающие белым татуировки, на голове торчали буйные заросли черных волос, кустистых и жестких, как папоротник.

– Ах, – закудахтал лоа, – ах-ах-ах-ах. Королева в печали! Ну так отчего б не поведать о приключившихся бедах своему старому другу Бвонсамди?

Таланджи скрестила руки на груди.

– Не в том я настроении, старый ты пустослов. Меня хотел отравить один из собственных подданных, причем на глазах у всего Совета Орды. Среди белого дня. Враги осмелели.

Бвонсамди придвинулся ближе, и Таланджи смогла разглядеть, как он шутовски хлопает ресницами под костяными надбровьями.

– Ха! Так твоя душа едва не досталась мне?! Поэтому ты и призвала меня? Мысли о смерти напомнили о лучшем друге там, с той стороны? Как это лестно, ваше величество!

– Нет-нет, Бвонсамди, ничего подобного, – заверила его Таланджи, крикнув и отвернувшись. – Я хотела бы поговорить с отцом. Ты ведь хранитель душ, повелитель мертвых, а, значит, наверняка должен знать, где обретается его дух. Не мог бы ты устроить нам аудиенцию?

Лоа во весь голос захохотал. Пол дворца под ногами Таланджи содрогнулся, точно от удара грома. Бвонсамди навис над нею, изогнувшись против всякого естества – так, что его перевернутое вверх ногами лицо замаячило прямо перед лицом королевы.

– Кто я тебе – уж не слуга ли, чтоб все капризы твои исполнять? Думаешь, твой отец у меня в заднем кармане лежит? Дух короля, девочка, вещь не пустячная!

– Для тебя *все на свете* – пустяк, – огрызнулась Таланджи, даже не думая отступить. – Все на свете – забава.

Улыбка Бвонсамди поблекла, и лоа могил шумно втянул носом воздух, принялся к королеве, будто кабан.

– Как от тебя несет смертью... Верно, гибель была близка, в самом деле близка! Уж не хочешь ли ты разузнать у отца, каково там, на Той Стороне?

Отмахнувшись от лоа, Таланджи решительно шагнула вперед, прошла сквозь него и выступила на балкон. Снаружи ждал весь ее город в окружении джунглей. С приходом ночи в столице зажглись сотни факелов, и яркие огни их казались множеством любопытных глаз, устремленных на нее снизу. *Нуждающихся* в ней.

– Нет. Это я узнаю сама, и в свое время. А с просьбой к тебе, Великий Дху, обращаюсь как королева, которой необходим совет предка. Приведи ко мне короля, приведи ко мне его душу, чтоб я смогла прибегнуть к его мудрости.

– Подобного, девочка, я сделать не могу.

Возникнув рядом, Бвонсамди небрежно облокотился на одну из огромных золотых колонн, увенчанных котлами, полными пламени.

– Ты надо мною не властна, – напомнил он. – Как и я над тобой.

– Знали б об этом мои враги, – буркнула Таланджи, крепче прежнего прижимая к груди скрещенные руки. – Половина Зандалара уверена, будто я тебе подчиняюсь. И пока они так думают, крепкой власти мне не видать. Тьфу! Понятно, отчего сегодня по мою душу явился убийца: я унаследовала от отца и кровь, и корону, и его лоа, и его мятежников в придачу. И если я не смогу от них избавиться, правлению моему, можно считать, конец.

– Вы только поглядите, сплошь обреченность да тоска! – хмыкнул Бвонсамди, махнув рукой в сторону огромного пятна на подоле ее платья. – А кто, по-твоему, тебя сегодня спас? Причем не удостоился за это ни слова благодарности?

Фыркнув, Таланджи бросила на него косой взгляд.

– При чем тут ты, когда меня спасла всего лишь неловкость какого-то тролля?

Бвонсамди заулыбался, в глазах его, под костяной маской, вспыхнул озорной огонек.

– Я слегка подтолкнул его. Самую *чутьочку*. Но ни одно из деяний могущественного не бывает малым, понимаешь? А ты только-только начинаешь понимать, что значит могущество. Все постоянно от тебя чего-то хотят, о чем-то просят, в точности как ты просишь сейчас меня. Сегодняшний убийца хотел твоей смерти, но я ему отказал. И дух отца к тебе не призову. Хотя, ес-с-сли...

Последнее слово Бвонсамди растянул так, что оно сделалось похожим на предостерегающее шипенье змеи.

– Что «если»? – зарычала Таланджи.

– Если ты согласишься заключить договор... ведь это же по справедливости, верно? Я спасаю тебя от смерти, ты заключаешь с верным другом Бвонсамди сделку...

Презрительно усмехнувшись, Таланджи шагнула к самому краю террасы. Огненный взгляд лоа так и сверлил затылок. Связь с ним – проклятие, и благодарить его она ни за что не станет.

– А соизволишь ли ты слегка толкнуть кого нужно во второй раз? А в третий? – со вздохом сказала она. – В моей столице волнения, а Орда ради того, чтоб унять их, и пальцем не шевельнет. Ни кораблей не пришлет мне, ни войск. Ничем они мне не помогут. Судьба Зандалара в моих руках, но как привести народ к миру и процветанию, если он мне не доверяет? Вот отец должен знать, что тут можно поделать. Он *всегда* это знал. А может, лучше спросить отцовского лоа, Резана?

Тишина. Только треск да шипенье пылающих факелов, только шаги да лязг доспехов меняющегося внизу караула... Казалось, огромный город зловеще притих. Совсем как лоа Таланджи. Она ждала шутки, шпильки, подначки, призванной пуще прежнего растравить ее сомнения, однако Бвонсамди просто смотрел на нее и молчал.

Либо она выжила из ума, либо озорные искорки в его глазах разом угасли. Казалось, лоа могил как-то... поблек. *Опечалился*.

– Что? – подстегнула его Таланджи. – Нечего сказать? Ни единого лукавого слова на ум не идет? Да ты ли это, Бвонсамди?

Наконец лоа покачал головой. Туман, собравшийся у его ног, начал сгущаться и вскоре окутал его с головой – только глаза, горящие странным синим огнем, по-прежнему мерцали сквозь серую пелену.

– Да, связь наша прочна, маленькая королева, но это не делает меня твоим слугой. Дух твоего отца я призывать не стану. Боюсь, сегодня ты – сама по себе.

Глава четвертая. Назмир

Что ж, как учила Сильвана, отступление – не позор. Отступление всего лишь предотвращает откровенный крах, о чем Сильвана тоже не умолчала, как и о крайнем своем презрении к подобному образу мыслей. С силой вонзая каблуки в чешуйчатые бока визжащего от боли крылатого ящера, Натанос Гнилостень мчался вперед – быстрее, быстрее, быстрее. Мятежные зандалари, подарившие ему эту тварь, называли ее жутедактилем, но какая, собственно, разница? Главное – чтобы крылатый ящер сумел оторваться от патруля, заметившего их в Назмире. Зверь, стоит отдать ему должное, летел во весь дух, без оглядки, и Натанос в который раз ощупал карман плаща: цел ли фиал, не вывалился ли, не канул ли в чащу джунглей? Ага, вот он. Убедившись в этом, Натанос для верности застегнул карман понадежнее.

Отступление... знакомо, знакомо. Нет, само по себе отступление Натаноса не раздражало. Куда досаднее было другое – неосмотрительность предводительницы мятежников, Апари, не заметившей приближения патруля зандалари.

– Используйте только их же стрелы! – крикнул Натанос.

Ветер услужливо донес его слова до темных следопытов, клином летевших следом. Прицел их оказался верен, и град ярко окрашенных стрел, с неумолимой точностью устремившихся вниз, выбил из седла одного зандалари, а за ним и другого. Оставшись ввосьмером, патрульные разом поумнели, поспешно свернули с тропы и помчались дальше, надежно укрытые густыми джунглями.

– Добраться до «Воя Банши» они не должны! – крикнула Сира, вырвавшаяся было вперед, но тут же придержавшая своего зверя, поджидая, пока Натанос не поравняется с ней. Ящер Сиры ритмично хлопал крыльями, зависая в воздухе. – Напрасно мы с этими бунтовщиками связались!

Натанос пригнул пониже голову, прячась от взглядов патрульных, преследовавших их по земле.

– Сворачиваем к югу. Тех гор по земле не перевалить.

Следопыты, провожавшие их на восток, к морю, сломали строй и с головокружительной скоростью устремились к пологу джунглей. Подобно жителям окрестных деревень, все они были одеты в грубое рваное тряпье, однако вблизи любой патрульный наверняка разглядел бы, что перед ним вовсе не тролли, бегущие к Южным морям.

– Проклятье! – выругался Натанос, опуская пониже капюшон невзрачного бурого плаща.

Из зарослей взвился в воздух точно такой же зверь, как и тот, что вез на себе Натаноса. Окутавшись тучей оборванных с веток листьев, он круто свернул в сторону Лелиас – темной следопытки, летевшей справа. Треклятые зандалари оказались друидами и приняли более подходящий к случаю облик.

– Сбить его! – заревел Натанос.

Сам он тоже выхватил из-за плеча лук и развернулся в седле, рискуя быть узнанным, или, что еще хуже, отправиться в долгий полет навстречу каменистым холмам внизу. Лелиас, присоединившись к нему, принялась осыпать зеленого крылатого зверя стрелами. Тетиву она натягивала и спускала с такой быстротой, что рука в воздухе зарыбила, расплылась, и две последних стрелы вонзились в крылья преследователя. Подбитый зверь пронзительно вскрикнул, камнем полетел вниз и, странно замерцав, вновь превратился в тролля с торчащими из плеч древками стрел.

Сосредоточившись только на том, чтобы как можно скорее добраться до берега, Натанос потерял из виду Лелиас и остальных.

– Без толку, – процедила Сира. – Еще немного, и нас раскусят!

– Ни за что, – заверил ее Натанос. – Воля королевы должна быть исполнена. Лети вперед. Предупреди команду. Пусть ведут корабль в бухту и велют лучникам приготовиться.

– Вести корабль к берегу? Да ты в своем ли уме?

– Делай, что сказано!

Недовольство во взгляде Сиры нетрудно было заметить даже под низко опущенным капюшоном плаща, сквозь узкие прорезы в забрале шлема. Приказы в этом стиле Сиры Лунный Страж неизменно принимала без всякой радости. Насколько Натанос мог судить, ее не радовало ничто на свете. Сира только и делала, что упрямо дулась да зло косилась на Натаноса, а приказаниям подчинялась только ради возможности сеять смерть в свое удовольствие. Злилась Сира на все вокруг – и на Натаноса, и на свою богиню, Элуну, и на весь мир, бросивший ее во тьме. Знакомое чувство... однако Натанос предпочел принять новое положение, воспользоваться им, стать сильнее. А вот кем и какой стала она? Трудно сказать, но, судя по наблюдениям, кроме собственной злости Сиры знать ничего не желала. Глядя на нее, Натанос нередко задавался вопросом, в самом ли деле Сира верна Сильване, или ей требуется одно только кровопролитие – пьянящее, отвлекающее от мрачных мыслей, дарующее пусть мимолетное, но все-таки облегчение.

Еще раз, напоследок, полоснув его злобным взглядом, Сира повиновалась – оставила Натаноса позади, крутой спиралью устремилась вниз и, превратившись в темное пятнышко на синем холсте морских волн, помчалась к кораблю, стоявшему на якоре далеко-далеко от берега.

Натанос взгляделся в заросли в поисках остальных следопытов, но и они, и их преследователи успели миновать джунгли. Бой на открытом месте мог оказаться ошибкой. Если хоть кто-нибудь из зандалари решит отступить и сумеет уйти живым, их планам грозит полный провал... однако патрульные на своей земле и вряд ли пустятся в бегство, а между тем в прямом столкновении с темными следопытами на борту корабля им, пожалуй, не выстоять. Сунув два пальца в рот, Натанос трижды пронзительно свистнул. Темные следопыты устремились к нему и перестроились, оставив противника на опушке.

– Выманите их туда, на простор, – пояснил Натанос, указывая на берег внизу. – И чтоб ни один не ушел.

Дело решилось быстро, хотя и отнюдь не без грязи. Патрульные-зандалари – по-видимому, слишком увлекшиеся погоней и слишком гордые, чтоб повернуть назад – поступили именно так, как Натанос и ожидал. Ключнув на предложенную наживку, они покинули укрытия в джунглях и направили быстроногих ездовых ящеров вслед за Натаносом и его отрядом. Натанос снова припал к холке крылатого зверя, уклонившись от шальной стрелы, просвистевшей над ухом.

От зулдазарских джунглей к морю тянулись отлогие песчаные холмы, усеянные островерхими камнями. Холмы отделяла от пенных волн широкая полоса песка. Над берегом, ожидая богатой поживы, кружили проголодавшиеся птицы, и Натаносу очень не хотелось бы их разочаровывать.

– Сбавьте ход! – еще раз свистнув, крикнул он всадникам. – Выманиваем на берег!

«Вой Банши» – под простыми, торговых цветов парусами, волны бьют в борт так, что длинный бушприт игриво приплясывает – уже шел им навстречу. Вот капитан, Делирия Доуз, скомандовала поворот, и корабль изящно развернулся широким, в пурпурных узорах бортом к берегу, открывая взгляду дюжину темных следопытов, выстроившихся вдоль леера с луками наготове.

– Вниз, – приказал Натанос. – Как ни в чем не бывало. Пусть думают, будто у них есть шанс.

Трое сопровождавших его темных следопытов тут же повиновались. Приземлившись на берег, все разом обернулись к семерым всадникам, мчащимся прямо на них – кровь в жилах кипит, кривые сабли подняты, глаза сияют в предвкушении битвы.

Что ж, предвкушения их оказались напрасны. Заглотив наживку, тролли обрекли себя на гибель и пали еще до того, как сумели дотянуться до преследуемых. Над головами Натаноса со спутниками свистнули смертоносные стрелы, выпущенные с корабля, и каждая отыскала цель. Убедившись, что патрульные пали все до единого, Натанос отправил Лелиас на «Вой Банши».

– Сообщи Сире о нашей победе и вели готовить корабль к плаванию. Остаться здесь мы какое-то время не сможем, – пояснил он.

Резко кивнув в ответ, Лелиас пришпорила крылатого зверя, и тот взмыл в небо, щедро обдав оставшихся мелким песком.

– Оружие собрать, трупы раздеть – и в море, да позаботьтесь, чтоб их никто не нашел, – распорядился Натанос, готовясь отправиться на корабль следом за Лелиас (на следопытов он вполне полагался). – Помните: мы здесь никогда не были. Когда закончите, ищите нас к северу.

Распорядительность Сиры в его отсутствие, как и всегда, оказалась выше всяких похвал. Жутедактилей распрягли, накормили, напоили и отвели в трюм – до будущих вылазок на сушу.

– Недурной маневр, как и всегда, – похвалил Натанос капитана Делирию, быстрым шагом следуя к просторной каюте на корме. – Теперь уходим.

Капитан четко отсалютовала ему в ответ. Морские ветры яростно трепали ее длинные черные волосы. Ростом она превосходила многих из следопытов, резкость черт лица подчеркивала изящный изгиб бровей. До сих пор служение королеве с ней заодно казалось Натаносу вполне сносным.

– Едва пронесло, – прошипела Сира, войдя следом за ним в узкий корабельный коридор, сняв шлем и встряхнув распущенными волосами. – Едва-едва пронесло. Мне начинает казаться, что эта Апари ненадежна. Возможно, это и вовсе была ловушка.

– Не думаю, – спокойно возразил Натанос, стряхнув с капюшона песок и двумя пальцами откинув его на спину. Похоже, вытряхивать песок из плаща и сапог придется не один час. – Я взглянул ей в глаза и увидел в них подлинную ненависть. Ей хочется избавиться от Таланджи, и от Орды не меньше, чем нам, а нам в здешних краях без ее помощи не обойтись.

Двери в каюту он распахнул бережно, плавно, тогда как Сира, казалось, готова была вышибить их ногой. Подступив к блестящим окнам в частых переплетах, темная стражница окинула волны яростным взглядом и с силой грохнула шлемом об обеденный стол, да так, что стоявшие на столе канделябры подпрыгнули.

– Шайка неорганизованных, отчаявшихся мятежников нам ни к чему, – сказала она, сдернув перчатки и осмотрев ногти. – Отряд темных следопытов стоит двух сотен крестьян с вилами. А я одна стою вдвое против того.

– Твое рвение, Сира, отмечено и оценено по достоинству. Однако наши задачи здесь требуют не только точности, но и полной секретности. Ты помнишь, что я сказал, когда мы поднимались на борт в Драконьем Погосте?

На миг призадумавшись, Сира устало опустила в кресло.

– Мы никогда не были в Зандаларе.

– Именно, – подтвердил Натанос.

Подойдя к Сире, он отодвинул в сторону пару кресел, выдернул из груды пергамента посреди стола свиток и развернул перед собою карту Назмира, аккуратно разгладив загнутые уголки.

– И сейчас нас здесь нет. И в будущем мы здесь не появимся. А от них нам как раз и нужна вот эта самая безалаберность. Нужен хаос. Наши новые друзья – гроза, буря, а мы – молния, что нанесет удар.

Указательный палец Натаноса уткнулся в северную часть Назмира, оставив пятнышко грязи на маленьком прямоугольнике с подписью «НЕКРОПОЛЬ».

– И все же мои таланты куда лучше применить в другом месте, – сказала Сира, придвинувшись к столу и сложив перед собой руки. – Скажем, там, рядом с Ветрокрылой, где нужно лишь убивать, убивать и убивать. Осмотрительность мне не по вкусу. Теперь меня радует только бойня.

«Нет, радости нам больше не принесет ничто, такова уж природа нежити», – подумал Натанос, однако заставил себя улыбнуться.

– Да, Сира, вот это действительно алчность! Неужто тебе мало гибели бога? Бвонсамди – последняя заноза в боку королевы. Нам с тобой предстоит ее вытащить, а между тем он могущественен и до досадного верен Орде. Его замыслов мы знать не можем, но следует полагать, что он использует свои познания о смерти против нее. Против нас. Так что задача эта чрезвычайно важна. Будь она по силам любому мальчишке на побегушках, подобного бы сюда и послали. Но наша королева решила, что ты лучше всего послужишь ей здесь, и не нам с тобой о ее решении рассуждать.

Огненно-красные глаза Сиры вспыхнули жарче прежнего.

– Уж не сомневаешься ли ты в моей рассудительности? – прорычала она.

– Нет. Ты ведь здесь, а значит, выбрала путь не легкий, но верный. Долг наш – спасти этот мир от него самого, и тут уж придется глотать, не разбирая, что сладко, а что горько. Знаю, Сира, ты жаждешь сеять смерть, но сеять ее ты должна здесь. Сильвана ни за что не выбрала бы тебя, окажись твои таланты здесь не к месту.

Натанос откинулся на спинку кресла. Выпущенная из рук, карта свернулась сама собой.

Сира протяжно, устало вздохнула.

– Хорошо. Постараюсь считать это задание возможностью сеять смерть – тем более, что так оно и есть. И все же...

Натанос едва сдержал раздраженный вздох. Сира была нужна ему смирившейся с ролью, отведенной ей в замыслах Темной Госпожи. Сира была нужна ему сосредоточенной, всецело преданной делу.

– И все же... Скажи, а тебе не кажется, что нам следует быть рядом с ней? За ней охотится и Альянс и Орда, и если они сумеют узнать, где она...

– Ни за что, – твердо перебил ее Натанос. – Сильвана восторжествует и над теми, и над другими. А почему?

Сира молчала, не сводя с него глаз, однако едва заметно подалась вперед – а значит, по крайней мере, слушала его со всем вниманием.

– Потому что предводители Альянса не доверяют друг другу, потому что среди них разброд и шатание. Ну а Орда? В Орде дела обстоят еще хуже. Множество голосов, у каждого – собственные замыслы, собственные тайны и нужды... Нет, невозможно. Так им ничего не достичь. А мы с тобой нужнее всего именно здесь. Таково решение королевы, и волю ее мы исполним.

Чуть поразмыслив, Сира криво улыбнулась:

– Так и быть, Гнилостень. Я с тобою согласна.

– Прекрасно. Смотри же, не передумай. Бвонсамди очень опасен и слишком многое знает. Едва он умрет и замыслы Темной Госпожи начнут воплощаться в жизнь, всем страданиям нашим конец. Мы станем свободны от бессердечной жестокости этого мира.

Темная стражница подхватила со стола шлем, поднялась и двинулась к выходу.

– Это действительно честь, Сира, – сказал Натанос ей вслед. – У королевы осталось так мало преданных слуг, и нам, сохранившим ей верность, не пристало ее разочаровывать.

– Моя богиня от меня отвернулась, но Сильвана дарует мне в утешение достаточно живой крови и плоти, – откликнулась Сира, задержавшись в дверях. – Пока что этого хватит.

Корабль качнулся, доски обшивки негромко скрипнули под натиском волн.

Оставшись один, Натанос поднялся и подошел к арчатым окнам, открывавшим вид на море. Стоило вспомнить о Темной Королеве, по телу, как всегда, пробежал озноб. Быть так далеко от нее... казалось, это причиняет настоящую, физическую боль, словно чем дальше, тем сильнее натягиваются, ветшают связующие их узы, а каждая прошедшая минута дергает эту нить, натягивает сильнее и сильнее...

Смежив веки, Натанос представил себе ветер и снег, безжалостно хлещущий прямо в лицо, и пару ярко-алых глаз, мерцающих в белой с серебром пелене вьюги.

– Я не подведу, – прошептал он.

В двери громко, решительно постучали. Натанос сдвинул брови, коря себя за неуместную сентиментальность. Сейчас было важно одно – порученное задание, замысел королевы.

– Войди.

Вошедшая, поклонившись, откинула на спину капюшон плаща, и пламя свечей на стенах просторной каюты озарило нежное, бледное лицо Визринн. Щеки калдорай украшали татуировки – алые, как и горящие огнем глаза, листья.

– А-а, вот и ты. Никому на глаза не попалась?

Увидев ее благополучно вернувшейся, Натанос, давно ожидавший от нее вестей, несколько успокоился.

– По-моему, я миновала нагорье никем не замеченной, – ровно ответила Визринн.

– «По-моему»?! – вспыхнул Натанос, разом забыв о покое, да к тому же, по ближайшем рассмотрении, заметив изодранный, окровавленный бинт на ее левом запястье. – Не время строить догадки, Визринн! Ошибки сейчас недопустимы. Как именно ты получила рану?

– Столкнулась в пути через нагорье с кое-каким зверьем, ничего серьезного. Умоляю, предводитель следопытов, есть обстоятельства куда важнее. Лелиас сообщает: получены вести от мятежников.

– И?

– План Апары потерпел крах. Наши разведчики доносят, что королева Таланджи сегодня вечером вернулась во дворец, хотя некоторые упоминают о большом пятне на ее платье. Возможно, Таланджи была ранена при попытке покушения.

Разочарования Натанос не выказал – только невольно, не сдержавшись, скрипнул зубами и ненадолго задумался: как теперь лучше поступить? С мятежниками они уже в сговоре, так отчего б не раздуть пламя пожарче, прибегнув к правдоподобной дезинформации?

– Тогда наутро нас ждет множество дел. Собирай следопытов, свяжись с нашими глазами и ушами в городе. Вели им распустить слух, будто Орда утратила веру в королеву, а может, даже собирается взять королевство под свою власть.

– Но...

– Мы здесь не затем, чтоб насаждать правду! – зарычал Натанос, вмиг развернувшись к Визринн лицом и оглушительно грохнув кулаком по столу. – Мы здесь затем, чтоб сеять страх. Пусть спорят, пусть сомневаются, пусть паникуют. Эта девчонка еще пожалеет о том, что отвернулась от Королевы Банши.

Глава пятая. Оргриммар

Высоко над пыльными, широкими улицами Оргриммара Зекхан вдруг оказался нос к носу с целой толпой весьма требовательных слушателей. Он-то надеялся провести остаток дня в единении с Западным Святилищем Земли, в покое и мире, среди полыхающих синим огнем колонн, под негромкий гул магической силы древних камней, под радостный смех неоперившихся юных шаманов, осваивающих азы ремесла, но...

Казалось, солнце немилосердно жжет тело даже в тени невысокого шатра. Усевшись наземь и скрестив под собою ноги, Зекхан утер пот со лба. Как часто скучал он по островам Эха – по прохладе зарослей, по оазисам джунглей, по купаниям в море после дневных трудов!

Однако родные джунгли еще никогда не казались настолько далекими, как сейчас, и Зекхан никак не мог избавиться от ощущения, будто все у него наперекосяк. Вот, например, пот со лба льет без конца.

– И она вправду погибла бы?! – умоляюще выдохнул малыш-орк, мальчишка ростом едва по колено Зекхану.

Допрашивали его с пристрастием, не щадя. Слух о причастности Зекхана к покушению на жизнь королевы разнесся по всему городу, и все юные шаманы, охваченные любопытством, бросили учебу, столпились вокруг него и оттеснили в угол. И теперь таращились на него во все глаза, подперев подбородки ладошками.

– Спорю на что угодно, тролля прекраснее нее не найти на всем белом свете! – пробормотала маленькая пандаренка.

– А я слышал, тебя кинжалом ранили!

– Покажи, куда?

– Дети, дети, – залепетал Зекхан, обеими руками отмахиваясь от града вопросов, – Зекхан все вам расскажет, хотя рассказ может оказаться слишком уж жутким для ваших юных ушей...

– Пф-ф-ф, вот уж нет! Уж это-то мы осилим! – вскричал все тот же оркский мальчишка, Аггу. – Может, только Ю И забойтся. Она хоть и высокая, а глупая, как младенец!

– А вот и нет! – возмутилась Ю И, показав ему язык и раздраженно вздыбив темный мех на загривке.

– А вот и да!

Вновь рассмеявшись, Зекхан извлек из кармана лоскут полотна и утер лоб.

– Будете продолжать препираться, ни слова больше не расскажу.

Будущая гордость Служителей Земли разом умолкла, хотя Зекхан, прекрасно помнивший собственную юность, знал: без мести в виде каких-нибудь каверз дело не обойдется. Вдруг все шестеро детишек и сам Зекхан вздрогнули: кусты возле шатра сами собой раздались. Портал затрещал голубыми электрическими разрядами, сделался шире, выше; спустя миг в нем показалась пара обтянутых пурпурным шелком ног, а после и весь ночнорожденный целиком. Выступив из портала, он первым делом стряхнул пылинку с безупречно чистой ливреи.

Этот беловолосый, узколицый эльф был Зекхану знаком: он часто прислуживал или доставлял сообщения первой чародейке. Если прежде Зекхан просто потел от волнения, теперь пот хлынул со лба рекой. С чем бы этот эльф ни пожаловал, дело у него наверняка срочное, иначе он просто дошел бы от крепости Громмаш до анклава шаманов пешком.

– Сожалею, что вынужден вам помешать, – хмыкнул Лорлидрель, на вид не слишком-то о чем-либо сожалевший, – но тебя, Зекхан, требуют на Совет. Да поскорее.

– Не-е-ет! – запищала Ю И, обернувшись к ночнорожденному и зло оскалив клыки. – Он же только начал рассказывать!

– Ну да, только-только до самого интересного добрались, – добавил Аггу. – Позволь ему досказать!

– Не позволю, – отрезал Лорлидрель, оскалив зубы не хуже Ю И. Пандаренка в страхе отвела взгляд. – У Зекхана имеются дела поважнее детских капризов. А вам предлагаю вернуться к занятиям и о глупостях позабыть.

– Зачем же пугать их, а? – негромко спросил Зекхан, поспешая за эльфом к порталу. – Они ведь еще малыши.

Ночнорожденный промолчал, а возражать Зекхану и в голову не пришло. Как бы ему ни хотелось остаться у святилищ и поразвлечь детишек, заставляя Тралла и остальных ждать он не смел. Расправив грудь, он приготовился к тому самому рывку в животе, что будто бы выворачивает наизнанку, шагнул в портал, и оба мигом перенеслись в крепость Громмаш.

Прибытие их ничему не помешало. В зале царила необычайная тишина: очевидно, собравшиеся только Зекхана и дожидались. Перед ним полукругом сидел Совет Орды во всей своей силе: низкорослый, остроухий, зеленолицый гоблин Газлоу, а за ним и Бейн Кровавое Копыто, и первая чародейка Талисра, и согбенная Отрекшаяся Лилиан Восс, и монах-хоцзинь Цзи Огненная Лапа, а далее, в центре, бывший военный вождь Тралл, и, наконец, слева от Тралла – Лор’темар и Рохан, вождь троллей Черного Копья.

Грозное же они являли собою зрелище!

– Благодарю тебя, Лорлидрель, – ровно сказала первая чародейка Талисра. – Распорядителен, как всегда.

– Рад видеть тебя, Зекхан, – подхватил Цзи, представляющий в Совете пандаренов, грациозно протягивая Зекхану лапу.

Алый кожаный мундир Цзи ярко сверкал в свете факелов. С пандаренским монахом Зекхан имел дело нечасто, но Огненная Лапа всегда держался с ним уважительно.

– Вчера, – продолжал пандарен, – ты сослужил нам неоценимую службу, спасая от гибели королеву зандалари, но сейчас нам, боюсь, придется просить тебя о еще большем.

– Я сделал только то, что посчитал верным, – чуточку нервно ответил Зекхан.

Оказавшись лицом к лицу с совокупной мощью и мудростью всех предводителей Орды, он вдруг особенно остро почувствовал, насколько юн. Да, некоторых из них он считал друзьями, но в эту минуту колени его задрожали, живот подвело, будто он – всего лишь один из тех самых малышей, будущих шаманов, получающий нагоняй за то, что проспал урок или поджег волосы недруга.

– И я ведь вам уже говорил, – продолжал он, – все это вышло, можно сказать, случайно.

Восемь членов совета заулыбались, захмыкали, а сидевший в центре полукруга Тралл уперся локтями в колени, слегка подавшись вперед.

– Возможно. Но когда этот тролль выхватил кинжал, ты без колебаний заслонишь собой королеву. Дстойный порыв. Дстойное деяние.

Зекхан неуверенно улыбнулся и перевел дух. Значит, неприятности ему не грозят. Что ж, это хорошо. Может, его хотят представить к какой-то награде или даже повесить?

– Всякое доброе дело влечет за собой наказание, – сказал Лор’темар, с ленивой грацией развалившись в шипастом кресле и сложив руки домиком.

Зекхан судорожно сглотнул.

– Н-наказание?

– Не запугивай мальчика, – с мягким укором заговорила первая чародейка Талисра, бросив искристый взгляд в сторону Лор’темара. – Мы решили оказать тебе великую честь, предоставить возможность проявить себя в глазах Совета и послужить Орде, отправившись в Зандалар послом.

Послом? Он?!

Зекхан, не сдержавшись, фыркнул, но никто из остальных даже не улыбнулся.

– Э... Э-э... вы серьезно?

– Не менее серьезно, чем вчерашнее покушение, – откликнулся слева торговый принц гоблинов, Газлоу, по крайней мере, удостоив Зекхана усмешки. – Да, малыш, мы серьезно. Пакуй вещички: тебя ждет Зулдазар.

Повинуясь первому побуждению, Зекхан взглянул на Тралла, а после на Рокхана – на тех двоих членов Совета, кого он знал лучше прочих. Встретившись с ним взглядом, Рокхан, старый, многое повидавший темный охотник с массивными острыми клыками, блеснул черными бусинами глаз, на миг призадумался и ободряюще кивнул.

– Но я же... я же никогда раньше не был послом, – напомнил Зекхан, крепко сцепив за спиной ладони.

– Таланджи нужна нам. Орде, – медленно, ровно, как будто Зекхан, потрясенный неожиданным назначением, оскудел умом, объяснил ему Тралл. – Она утратила к нам доверие, но ты... Ты спас ее жизнь, рискуя собственной. А твоя молодость и неопытность пойдут только на пользу.

– Весьма вероятно, она не воспримет тебя всерьез. Воспользуйся этим, – посоветовала первая чародейка Талисра. – Стань нашими глазами и ушами.

– И докладывай, как можно чаще, – подхватил Лор’темар. – Любые перемены в умах, любые необычные происшествия в столице, все, что тебе удастся узнать о королеве – все эти сведения крайне ценны. Такими потенциальными союзниками разбрасываться нельзя: ее город стратегически важен как база снабжения для нашего флота.

Зекхан слушал все это так внимательно, что уши сами собой поднялись торчком. Но вот в зале вновь стало тихо, и он едва удержался, чтоб не втянуть голову в плечи.

– Согласен? – поторопила его Талисра. – Ответ нужен сейчас же. Время не ждет.

Есть ли у него выбор? Об этом Зекхан даже не спрашивал, но и вопрос Талисры надолго повис в воздухе. Добраться до Оргриммара, заслужить благосклонность самого Тралла – это казалось высшим достижением всей его жизни. Далеко, далеко завела его та война – от защиты полуразрушенных стен плечом к плечу с легендарным воином, Вароком Саурфангом, до кровавой ма’гора у ворот Оргриммара, в которой Варок Саурфанг и нашел свою смерть...

Казалось, с тех пор, как Зекхан впервые изведal вкус битвы среди Тирисфальских лесов, до той самой минуты, когда Саурфанг на его глазах пал, сраженный нечистой магией Королевы Банши, минула целая жизнь. Интересно, что сказал бы седой ветеран, увидев Зекхана здесь, перед Советом Орды, удостоенного чести, которой вряд ли заслуживает и потому никак не решится принять?

Ответом ему, как порою случалось в минуты сомнений, послужил голос предков – ощущение, будто он не один, исполнившее сердце мужества. На плечо легла тяжелая длань в тяжелой латной перчатке, однако на этот раз высоко поднять голову призывал вовсе не дух отца. Сейчас рядом с ним стоял Саурфанг – опытный, сильный, несокрушимый, как крепостной бастион. Бывало, Зекхан замечал в глазах Варока усталость или сожаление, но слабости – никогда.

– А разве так... честно? Ведь Таланджи нам друг, разве нет? А мы хотим шпионить за ней? – спросил Зекхан, неловко переступив с ноги на ногу.

– Мы не посылаем тебя к ней со злом, – заверил его Рокхан. – Просто не можем помочь, если не знаем, что у нее на уме.

Зекхан устремил на него долгий пристальный взгляд, но Рокхан казался вполне спокойным, уверенным – ни искорки озорства в глазах.

– Раз так... Раз так, я согласен.

– Тогда и Совету конец, – объявила первая чародейка Талисра. – Удачи тебе, Зекхан, и не задерживайся. Мы знаем: ты нас не подведешь.

Не успел Зекхан хоть словом ответить, а все уже поднялись с мест. После того злосчастного ухода Таланджи с заседания предводители Орды заперлись в крепости Громмаш одни – без пажей, без советников и без слуг. Примерно так же поступала мать Зекхана с ним и с братьями, когда они обижали друг дружку: запирали их в хижине, сидеть да спорить, ругаться до хрипоты, пока все накопившееся не выплеснется и жизнь снова не войдет в обычную колею. Не час и не два пришлось им сидеть взаперти, но, видно, крики и споры подействовали. Один за другим представители союзных рас, миновав Зекхана, вышли за порог. Кто-то в знак доверия крепко стискивал его плечо, кто-то просто кивал, а Газлоу – тот многозначительно подмигнул.

Тралл с Рокханом из племени Черного Копья подошли последними и остановились рядом. Вскоре зал опустел. Наступившую тишину нарушало лишь биение пульса в ушах да треск и шипение смоляных факелов. Испустив тяжкий вздох, Рокхан искоса взглянул на Тралла.

– Думаешь, справишься? – спросил он, как будто Зекхан не стоял здесь же, рядом.

– Думаю, юная королева найдет его появление не таким отвратительным, как твое или мое, – отшутился Тралл.

У Зекхана разом пересохло во рту.

– Но почему? Почему ты не можешь отправиться туда сам? Я ведь... Я ведь – никто!

– Саурфанг так вовсе не считал, – возразил Тралл. – И я с ним в этом согласен. У меня свой путь, свои неотложные дела. Юха принес от Служителей Земли крайне тревожные вести, и в то время, как ты займешь место среди зандалари, я тоже отправлюсь в дорогу. Совет решил, что кто-то из нас должен отправиться с Юхой в Нордрассил и разобраться, отчего всполошились духи. Там я... Ладно. Лучше всего просто отправиться туда и надеждами не обольщаться.

С этими словами Тралл крепко, ободряюще – почти так же, как дух Саурфанга пару минут назад – стиснул плечо Зекхана и тяжелой поступью двинулся к выходу. Косы его развевались из стороны в сторону, грудь слегка склонилась вперед, как будто мантия, скроенная из нелегкого бремени и усталости, сделалась слишком тяжелой для плеч вождя.

– Возьми-ка, – сказал Рокхан, сняв с пояса один из множества клинков – легкий, великолепно сбалансированный кинжал с украшенной вязью эмалевых рун поперечиной. – В змеиное логово мы тебя посылаем, парень. Там без новых убийц, без новых опасностей не обойдется. Может, шаман ты и сильный, однако с клинком на поясе ни за что не останешься безоружным, хоть всю силу истрать.

Зекхан принял оружие и не без опаски взвесил его в ладонях.

– Спасибо тебе, Рокхан, но я обращаться с ним не умею.

Вождь троллей Черного Копья с силой вдавил большой палец в Зекханов висок.

– Чутье, парень, все дело в чутье. Думай, как шаман. Бейся, – тут он кивнул на кинжал, – как воин. И, ради себя ж самого, будь неприметен, как тень.

Глава шестая. Штормград

– И сколько же?

Последние лучи заходящего солнца, струившиеся внутрь сквозь разноцветные стекла витражей над головой, окрасили главный алтарь собора траурным пурпуром и синевой. Сие печальное зрелище лишь углубляло тягостную пустоту в Андуиновом желудке. Вслушиваясь в гулкий звон последних колоколов, король Штормграда наблюдал за тихим, сладкоречивым епископом Артуром – тот, с ног до головы облаченный в кремовое и черное с золотом, отпирал двери, ведущие к гробницам в подвалах Собора Света.

– Шесть, – отвечал близкий друг и один из самых доверенных советников Андуина, Генн Седогрив, король Гилнеаса. – Вернее, ШРУ обнаружило шестерых. Как знать, сколько еще унесено волнами...

– А кто-то может и прятаться, – заметил верховный экзарх Туралион. – За водами, отделяющими Зандалар от Восточных Королевств, по приказанию Шоу наблюдала самое меньшее дюжина.

Высокий, широкоплечий, он даже без лат, сверкающих золотом и серебром, производил немалое впечатление. Бородатый, весь в шрамах, Туралион выглядел испытанным, закаленным бойцом, с какой стороны ни посмотри.

Оба последовали за Андуином в извилистый коридор, уходивший в глубь катакомб.

– Идемте-ка подальше от любопытных ушей, – шепнул им Андуин.

Конечно, после вечерней службы собор опустел, но кое-кто из братии и жрецов уходить не спешил. И все они, разумеется, глазели в сторону Андуина: кому же не хочется полюбоваться самим королем Штормградским в сопровождении двух столь славных воителей? Один из первых Рыцарей Серебряной Длани, товарищ героев преданий и песен наподобие Утера Светоносного и Тириона Фордринга, навеки запечатленный во всем благородстве своем за городскими стенами, в статуе, возвышавшейся на Аллее Героев, над ведущим к воротам мостом, для жителей Штормграда Туралион был едва ли не легендой.

Прервав беседу, все трое продолжили долгий и скорбный путь к гробницам. Андуин торопился. Да, он ужасался тому, что ожидало внизу, но назад повернуть даже не помышлял: увидеть, что постигло солдат, посланных на смерть во имя короны, – его долг.

Вокруг сделалось холоднее, запахло землей и сырым кирпичом, будто в дождливый осенний день. Вскоре этот запах сменился зловонием пыли и спертого воздуха с нотками аромата засушенных трав и цветов – слабой, неважной защиты от явственного духа тления. Духа недавней смерти.

В самой дальней части гробниц, где царил такой холод, что даже в мехах с головы до ног сделалось бы неуютно, они обнаружили ряд мертвых тел в промокших одеждах. Кожа каждого бледна до бесцветности, губы искажены жуткой предсмертной судорогой... Выдернув из кольца на стене факел, Туралион шагнул вперед, осветил трупы, и на его исполненном мужественной красоты лице отразилась тревога.

– Взгляните, какая точность, – сказал он, остановившись перед юным дворфом с рыжеватой, полной песка и водорослей бородой. – Одним выстрелом, и прямо в сердце.

Подойдя к паладину, Седогрив внимательно оглядел торчащую из груди убитого дворфа стрелу.

– И так со всеми. Каждый убит единственным выстрелом. Взгляните на оперение вот здесь и здесь. Сбрито под корень.

– Вот почему Шоу велел доставить тела сюда, – пояснил Туралион, глядя в глаза Андуина поверх тела павшего дворфа.

Ни разу еще Андуин не видел закаленного во множестве войн паладина испуганным, и сейчас в его взгляде не было страха. В глазах Туралиона полыхал гнев.

– Чего я не замечаю? – спросил Андуин, морща лоб.

– Стрелы – зандаларские, – ответил Туралион, – а тактика – нет.

– Да уж, конечно, нет! Тут какой-то подвох... какой-то нечистый подвох, пока что мне непонятный! – Оскалившись, будто из его горла вот-вот вырвется басовитый рык воргена, Седогрив зашагал из стороны в сторону. – Немногие лучники на свете могли бы так выстрелить, и единственные подобные, которых я знаю, заодно с этой распроклятой Королевой Банши.

– Темные следопыты? – пробормотал Андуин, переводя взгляд с Седогрива на Туралиона. – Мы можем быть в этом уверены?

– Уверены? Нет, но в свое время я не раз видел хаос, учиненный их проклятыми стрелами. Тот же стиль, та же меткость.

Шумно фыркнув, Седогрив ускорил шаг – в точности как разъяренный волк в клетке.

– Что темным следопытам могло там понадобиться? Зандалари в союзе с Ордой, а значит, Сильване и ее следопытам отнюдь не друзья.

Забывшись, Андуин едва не опустил руку на сапог одного из погибших солдат. Отвлечшийся разговором, он совершенно забыл о мертвых, но, стоило вспомнить о них, и сердце сжалось от боли.

«Во имя Света, ведь они так ужасающе молоды...»

Что ж, по крайней мере, погибших солдат доставили домой, под своды святилища Света, и это хоть немного, да утешало.

– Может, предостережение от Сильваны? Может, она послала своих следопытов покарать новую королеву? Союз они заключили еще в те времена, когда Темная Госпожа была военным вождем Орды, но наши разведчики полагают, что королева Таланджи воспользовалась поддержкой, а с независимостью расставаться не спешила. Как Сильвана воспринимает измены, всем нам известно, и...

Поразмыслив над точкой зрения паладина, Андуин согласно кивнул, однако Седогрив, рассудивший иначе, с досадой всплеснул руками:

– Андуин, неужто ты не понимаешь? Это же наш шанс! Темные следопыты следуют за Сильваной, куда бы она ни направилась. Возможно, до нее рукой подать, а эти убийства – ее роковая ошибка. Нужно поскорее собрать все силы, какие сумеем выделить, и плыть на запад. Заодно она с зандалари, или затеяла выступить против них, неважно – возможности *покончить с нею* раз и навсегда упускать нельзя!

К концу фразы звучный баритон воргена достиг высшей ноты, но Андуина это не проняло. Он не сводил взгляда с Туралиона, а тот слушал Седогрива в лучшем случае с сомнением. Закованный в тяжелые золотые латы паладин переступил с ноги на ногу, повел плечами, озабоченно сдвинул брови.

– Сейчас, мой король, время думать, а время ответных действий еще не настало. Вокруг бессчетное множество соглядатаев, и о перемирии забывать нельзя. Конечно, Зандалар – огромный континент, однако там все глаза и уши в дружбе с Ордой, а не с Королевой Банши, – сказал он, задумчиво подперев кулаком подбородок. – Орда желает ей смерти не меньше нашего. Если мы не можем положиться на то, что они поделятся с нами всем, известным им о Сильване, подписанное тобой перемирие не имеет ни малейшего смысла.

– Перемирие! – прошипел Седогрив, очевидно, ничуть от сего обстоятельства не в восторге. – На Орду нельзя полагаться ни в чем, Андуин, сколько раз мы уже этот урок проходили? Я думал, ты его усвоил.

Да, так оно и было. Орде Андуин не то чтобы доверял, однако, взвешивая их поступки, кое о чем судить мог. Будь они неверны своим обещаниям, вполне могли бы покончить и с

Андуином, и с полководцами Альянса у ворот Оргриммара, хоть до хоть после той памятной мак'гора.

Помолчал он, подождал в надежде, что Седогрив успокоится, но тот побагровел от ярости, пышные бакенбарды его поднялись торчком.

Оторвав взгляд от советника и друга, Андуин оглядел лежавшие перед ним тела.

– Генн... Скоропалительные действия приносили нам вред куда чаще, чем рассудительность и осторожность. В погону за тем, что может оказаться отвлекающим маневром, я без оглядки не брошусь.

Верховный эскарх Туралион согласно кивнул:

– Сейчас мы должны задаться вопросом: зачем Сильване Зандалар? Что ей могло там понадобиться?

– Да какая разница?! – загремел Седогрив. – Туралион, ты же сам говоришь: в первую голову королева зандалари заключила союз с Сильваной. Так, может, она блюдет данную ей клятву до сих пор? Может, она отеклась от Орды и прямо сейчас прячет изменницу с ее воинами у себя? А эти храбрецы, – тут он указал на павших разведчиков, – погибли из-за того, что доискались до правды?

Долг призывал Андуина держать сторону истины, какой она ни окажется. Мнения, высказанные обоими, он ценил весьма высоко, однако не мог отрицать, что предложение Туралиона куда более соблазнительно. И все-таки... *все-таки...*

– А знаете, благородные мои друзья, – негромко заговорил Андуин, – недавно мне напомнили об одном не столь уж давнем дне, об одном не столь уж далеком месте. О тихом месте среди нагорья Арати. О мирной встрече, устроенной, чтобы воссоединить семьи, разрушенные неожиданными, неодолимыми силами...

Вздыхнув, он оперся костяшками сжатых кулаков о край каменной плиты.

– Семьи людей и Отрекшихся встретились с чистой душой, искренне стремясь отыскать меж собой нечто общее, возродить былую любовь и привязанность, и многим это удалось. И что получили они за свое доверие, за свое милосердие? Были истреблены.

Подняв взгляд, Андуин обнаружил, что Седогрив, к счастью, притих, а румянец на его лице мало-помалу теряет яркость.

– Ваши советы для меня одинаково ценны. Туралион, возьми в помощь Аллерию Ветрокрылую и расследуй гибель разведчиков.

Выпрямившись, расправив плечи, король приложил руку к сердцу и увидел, что Туралион уверенно, одобрительно улыбается.

– Назначаю тебя главнокомандующим сил Альянса. Твоя задача – единственная задача – отыскать Сильвану Ветрокрылую, дабы мы смогли вынести ей приговор и покарать по заслугам. Ищи ее день и ночь, используй любые средства, какие только потребуются.

Туралион с привычным скромным достоинством склонил голову, принимая оказанную честь и задание.

– И сердце, и меч свой посвящаю правому делу.

С этой клятвой паладин, негромко позвякивая броней и кольчугой, с ног до головы озаряемый светом факелов, отправился выполнять поручение. Короли Гилнеаса и Штурмграда помолчали, провожая Туралиона взглядами.

– Разумное решение, мой король, – сцепив перед собою руки, сказал Седогрив, когда оба остались одни. – Кто знает, каким дьявольским хитростям королева Таланджи выучилась от Сильваны! Сейчас в любом королевстве, даже в твоём, ползучие гады таятся под каждым камнем.

– Молюсь о том, чтобы тут ты ошибся, – откликнулся Андуин.

Странно, однако сейчас ему очень хотелось остаться в гробницах, присесть среди мертвых, постичь их боль, постичь их прошлое. Казалось, это гораздо легче встречи лицом к лицу с новым днем разочарований и неудач... но тела надлежало обмыть и похоронить как подобает.

– Во имя Света, Генн... я позабочусь о том, чтоб им оказали все заслуженные почести. Но как выбить имя каждого из солдат в камне, на самих звездах, чтоб их не забыли вовек?

– Они, Андуин, знали, что такое служба. И участи портных или пекарей не ожидали, – сказал Генн, успокаивающе, по-отечески приобняв короля. – Они знали, на что идут.

Но Андуин отвернулся, стряхнув с плеча его руку. Стоило только шагнуть за границу спасительного круга света, холод пробрал до мозга костей.

– Нет, Генн. Вряд ли они это знали. Как и любой из нас. Что ожидает нас в посмертии, что ожидает нас там, во тьме, где никогда не наступит рассвет, неведомо никому.

Глава седьмая. Дазар'алор

– Сим повелеваю: ходатайство просительницы...

Все наблюдатели, все зеваки предвкушающе затаили дух, но Таланджи, упиваясь всеобщим вниманием, заканчивать фразы не торопилась. Пожалуй, из множества дел, возложенных на королеву, это нравилось ей больше всех.

– ...удовлетворить.

Слово пало с трона, будто щедро брошенная горсть монет. Толпа, собравшаяся в зале совета, взорвалась ликующими криками. А вот и сама просительница, девица не старше семнадцати – краснеет, слыша столь звучное одобрение, родные спешат к ней с объятиями...

Крепче всех обнял девушку ее отец, Безиме, только что произнесший в защиту дочери прочувствованную речь.

– Если уж без этого никак, королева Таланджи, – сказал он, – казни меня, но не наказывай дочь. Она – свет мой, душа нашей семьи. На нее вся наша надежда.

Столь беззаветное стремление к счастью для дочери тронуло сердце Таланджи, напомнив о том, как ей самой не хватает отца. Может, солдат с кораблями ей и доставало, но золото у Таланджи имелось, а девушке требовалось именно золото.

Просительница, Нав'рай, засияв, заулыбавшись от уха до уха, несколько раз поклонилась в сторону трона и покинула зал на гребне волны общего благорасположения. Принадлежала она к одному из переживающих не лучшие времена благородных родов – к семье, претерпевшей гонения и позор за связь с изменницей Язмой. Пока Таланджи путешествовала в Оргриммар и вела переговоры с Ордой, Совет Занчули, состоящий из верных ей воинов, жрецов и советников, счел ее семейство ни в каких злодеяниях не повинным. Однако оправдательный приговор не наполнил золотом их опустевших сундуков, и юная Нав'рай, оказавшись на грани нищеты, лишилась возможности достойно вступить в брак с возлюбленной, дочерью весьма богатого рода.

Ее нареченная, Кхила, нервно сцепив пальцы под подбородком, ждала на балконе, снаружи, в предусмотрительно наброшенном на плечи праздничном, великолепной работы бисерном плаще. Теперь союзу двух девушек ничто не препятствовало, и Таланджи с внезапным теплом в сердце смотрела просительницам вслед. Под крики радости, осыпаемые цветами и зерном, обе торжественно удалились. Ну что ж, в выборе плаща Кхила не ошиблась...

– Здоровья и счастья обеим, – пробормотал Лашк, первый и единственный тортоллан в совете.

– Сколько радости у крох, – добавил Джо'нок, щит Торкали. Не умещавшийся ни на одном из кресел совета, тролль-громила просто стоял рядом с Лашком. – Приятно видеть. Скучно, однако приятно.

Около пары дюжин зандалари задержались в зале совета, отделенные от советников высокими ступенями. Наверх, к центру, откуда Таланджи с прочими выслушивали обвинения и просьбы и объявляли решения, вели другие, куда более удобные лесенки. Безоблачное небо за спинами ходатаев казалось лазурным занавесом: из зала открывался вид наружу, на величаво кружащих над городом ужасов небес.

День выдался долгим. Долгим и изнурительным. Ходатай за ходатаем, просьба за просьбой... На деле время королевы принадлежало вовсе не ей, но этим Таланджи жертвовала с радостью – ведь главная ее гордость – народ.

– Осияй нас свет лоа, по-моему, эта – последняя, – вздохнула верховный прелат Рата, поднявшись на ноги и потянувшись.

Грудь и плечи Раты защищали пожелтевшие кости, поверх глаза покачивалась прядь немых синих волос. Выслушивая ходатайство Нав'рай, Рата то и дело клевала носом: любовные дела низшей знати не внушали ей ничего, кроме скуки.

Но вдруг толпа внизу раздалась в стороны: в зал с криком, размахивая руками, ворвались несколько горожан, немедля завладевших вниманием не успевших разойтись восвояси зевак.

Боевой друид Лоти с усталым вздохом опустилась в кресло, звякнув украшенными клыками наплечьями о спинку из золота и эмали.

– Гонк меня унеси, когда же все это кончится...

– Так это правда?! – вскричал, протолкавшись вперед, рослый костлявый тролль, судя по загару и грубости кожи – из поденных рабочих. Надо лбом его, точно шипы, торчали вперед четыре жестких зеленых косицы, на спину был приторочен увесистый выюк. – Правду в городе говорят?! Говорят, в Орде королеву пытались убить! Хотят ее свергнуть, а город себе забрать!

Разумеется, теперь ни о каких надеждах на покой не могло быть и речи. Лашк, сидевший справа от Таланджи, вслух застонал, уткнувшись зеленым клювом в подушечку ладони.

– Правду! – заорал кто-то снизу. – Хотим знать правду!

– К ответу Орду! К ответу предателей!

Таланджи вскочила на ноги.

– Тихо! Тихо! Эти слухи – всего-навсего слухи. Не более.

Усталая, выведенная из себя, она никак не могла подыскать подходящих слов, слов умиротворения. Новые волнения в городе ей были совсем ни к чему. С утра генерал Ракира принесла ей тревожные новости: Дазар'алора достигли вести о неудавшемся покушении, и, что еще хуже, сплетни о бесследном исчезновении патрулей, о кровопролитии, назревающим у северных рубежей.

– Стало быть, мы по-прежнему часть Орды? – донеслось снизу.

– А королеву нашу убить кто пытался? – подхватил кто-то еще.

– Хочешь, я заколю их всех? – фыркнув, шепнула Таланджи генерал Ракира.

Взглянув на нее, королева криво, вымученно улыбнулась.

– Да, мы остаемся с Ордой, но только если получим от них желаемую поддержку, – возвысив голос, отвечала она. – И наши требования – требования Зандалара – они удовлетворят. А если не согласятся служить нам, то и мы им служить не станем.

Однако раздражающие перешептывания не утихали. В воздухе веяло скандалом, а этот дух притягательнее даже запаха крови.

– Вот он!

– Смотрите! Один из них, не наш, не зандалари...

– Убийца!

Вопли и изумленное аханье снова набрали силу, взмыли ввысь омерзительной мутной волной, просители бросились к новоприбывшему, обступили его со всех сторон. Таланджи сощурилась, приглядываясь к троллю, вошедшему в зал совета. Явился он в сопровождении двух стражников, закованных в латы столь же блестящие и великолепные, сколь прост и невзрачен был наряд незнакомца. Однако при виде него в голове Таланджи шевельнулась некая смутная мысль. Пришелец был ей знаком... но откуда?

– Из Орды! Он из Орды! Пусть-ка ответит! Ты королевы нашей не защитил! А почему не защитил?!

Все тот же смутьян с выюком на спине, с опаленным солнцем лицом, бросился к чужаку и с силой толкнул его, отчего тот покачнулся, встряхнув гребнем потрясающе рыжих волос. Тут в дело вмешались стражники, но это лишь сильнее распалило толпу. Вскоре Таланджи стали видны лишь волосы новоприбывшего да алебарды королевских стражей, торчащие над головами толпы.

Из гуши тел раздался сдавленный крик. Нет, убийства посланца Орды у себя на глазах Таланджи допустить не могла. В столице зрел бунт, гибель отца оставалась неотмщенной... нет-нет, такого она позволить себе не могла: гордость – гордостью, но что, если Орда еще пригодится?

– Остановитесь.

Еще один крик. Похоже, общий хаос поглотил даже ее стражников.

– *Остановитесь!* Пропустите его.

На этот раз звучный, властный приказ Таланджи возымел желаемое действие. Все замерли без движения, а после присмиревшая толпа расступилась, освободив неширокий проход, позволяя троллю из Орды проследовать вперед. Отряхнув руки и плечи, он бросил опасливый взгляд на столпившихся за спиной недругов и, волоча ноги, сделал пяток шагов к ступеням, ведущим на возвышение.

Тут Таланджи наконец-то вспомнила, где его видела.

– А ведь я тебя знаю, – негромко сказала она, махнув рукой стражникам, по-прежнему державшимся рядом с рыжеволосым троллем. – Просителей вывести. Заседание совета окончено. Настало время принять этого... этого путника.

Оргриммар она покинула в такой спешке, что даже имени этого тролля узнать не успела. Теперь ей пришло в голову, что это было ошибкой: как сложатся отношения с Советом Орды, еще неизвестно, однако юный выходец из джунглей спас ее жизнь.

– Подойди, – велела она, – и изложи свое дело.

В ответ рыжеволосый тролль неумело, но вдохновенно поклонился.

– Я... Я здесь по службе. Посол от Орды. Имя мое – Зекхан. П-посланник... Зекхан.

Таланджи подняла бровь.

– Посол? – процедила генерал Ракира. – Скажи уж лучше «шпион».

Зекхан закивал, ткнув пальцем в сторону ошеломленной Ракиры.

– Да. Шпион. Посланник. Соглядатай. Глаза. Уши. Нос. Рот, – откликнулся он, с беспомощным смехом пожав плечами. – Орда тревожится о тебе, королева Таланджи. И, мало этого, нуждается в твоей дружбе, так что от тебя не отступится.

– Вижу-вижу, – протянула Таланджи, оглядев его с головы до ног. – Ну что ж, могли прислать и кого похуже.

Да, Совет Орды вполне мог прислать к ней того же Тралла, а Траллу, упрямо хранящему верность Джайне Праудмур, она не доверится ни за что.

Рыжеволосый тролль внизу вновь нервно, отрывисто хохотнул.

– Да уж, согласен.

– Хочешь, Джо'нок его – раз, и в лепешку? – предложил Джо'нок, более чем на такое способный: при своей величине он казался дикорогом среди муравьев.

– Нет, Джо'нок, он под моим покровительством.

Сложив перед грудью ладони, Таланджи вновь смерила «посланника» долгим взглядом. Чуть побуждало отослать его прочь, но как проявить такую неучтивость к тому, кто выбил из рук убийцы кубок с отравой, а после заслонил ее собой от смертоносного лезвия? Казалось, ее пронзает насквозь испепеляющий, неодобрительный взгляд отца. Отец доверился суждению Таланджи, когда она пригласила Орду в Зандалар, пусть даже за его спиной, без его ведома... Да, нервно переминавшийся с ноги на ногу юный тролль заслуживал шанса, как ни больно было это признавать. Тем более, что ему вполне можно было найти применение, или просто, пользуясь его неопытностью, разузнать о союзниках что-нибудь новенькое, вытянуть из него информацию, разглашению не подлежащую.

– Подойди же, посланник Зекхан. Если ты собираешься нести службу в моем дворце, то должен знать его многочисленные извилистые коридоры.

Генерал Ракира с отвращением втянула воздух сквозь стиснутые зубы, но Таланджи не удостоила ее даже взглядом.

– Смелей, поднимайся сюда. Я стану тебе провожатой.

– Я думал, Оргриммар – город внушительный, но это... это...

Глядя, как тролль из джунглей кружится волчком, дивится на все вокруг, изумленно разинув рот, Таланджи довольно усмехнулась. Сама она порой забывала о красотах дворца, о залах, отделанных золотом и бирюзой, о покойных бассейнах, полных ароматных лилий, о плитах полов, сверкающих, словно ограненные самоцветы... и, разумеется, с удовольствием любовалась на мальчишку из захолустья, из глухих джунглей, очутившегося в обители древнего великолепия.

– На островах Эха даже похожего ничего нет, – продолжал Зекхан. – Конечно, руины, и все такое, но тут – как будто во сне!

Нижние залы дворца хранили тенистую прохладу, точно пещеры, надежно укрытые от палящего солнца, озарявшего верхние покои и тронный зал. Под ногами тянулись вперед многокрасочные мозаичные мостовые, вдоль них, в неглубоких канавках, негромко журчала вода. Казалось, тролль из джунглей обладает неиссякаемыми запасами изумления, и Таланджи не раз пришлось сдерживать руку, так и тянущуюся с лязгом захлопнуть его отвисшую челюсть.

По обе стороны от них, держась на почтительном расстоянии, шагали двое королевских стражей.

– Этот дворец всю жизнь был мне домом, – пояснила Таланджи. – Вот я и забываю, каким он должен казаться посторонним.

– Ха! – от смеха Зекхан схватился за живот. – Моим дворцом были пески да колючки! А вся деревня могла бы поместиться в твоей королевской уборной.

Таланджи заулыбалась, но, свернув за угол, обнаружила, что отвлеклась и привела Зекхана к самому сердцу пирамиды. Шаг тут же замедлился, удержать на лице улыбку стоило немалых трудов. Этого крыла дворца она избегала всеми силами. От одного взгляда вдоль коридора, внутрь золотого зала с высокими потолками, сердце исполнилось ужаса.

– Что-тостряслось... э-э... ваше величество? – спросил Зекхан, озабоченно сдвинув брови.

– Я... когда-то я очень любила бывать здесь, в этом зале...

Собрав волю в кулак, Таланджи заставила себя сделать еще шаг, и еще, затрепетала, увлекаемая воспоминаниями в непроглядную тьму. Разумеется, в зале давно прибрались, полы отмыли дочиста, но для нее место гибели отца останется оскверненным навеки. Таланджи до сих пор помнила, как остывало отцовское тело в ее руках, как мерк его лучившийся силой взор, как безжизненно обмякла его рука в тот миг, когда душой отца завладел Бвонсамди, как больно впивались в колени холодные каменные плиты...

Тогда-то, обнимая тело отца, задыхаясь от ярости, она и поняла, что такое настоящее одиночество. Всю жизнь Раствахан присматривал за нею, учил ее и любил, и дрался, оберегая их землю, их достояние, и боялся, как она со временем поняла, только одного – разочаровать дочь.

Ну а в конце... в конце концов...

На смену мрачным воспоминаниям явились другие, куда более радостные. Вот наставница Таланджи играет на арфе, а принцесса прячется от нее под водой, в бассейне, изо всех сил сдерживая дыхание...

– Здесь я играла в детстве, – негромко сказала она, вздохнув и покачав головой. – Вдвоем с подружкой, Парри, часами могла резвиться, в прятки играть... Она вечно выигрывала: дыхание под водой дольше умела задерживать. И вот, когда отец умер здесь, у меня на глазах, я словно бы снова стала той же маленькой девочкой. Как будто надела корону только ради шутки, ради игры в королеву.

Посланник слушал ее молча.

– Вот когда я познала истинную жестокость Альянса и их распроклятой ведьмы, Джайны Праудмур. Она с самого начала была змеей, лживой и своекорыстной. И плевать мне на перемирие, заключенное вашим Советом: выходит, Орде безразличны боль и страдания моего народа!

Зекхан нерешительно потер руки, хрустнул пальцами и быстро, сбивчиво заговорил:

– Н-но ведь Праудмур помогла нам освободить Бейна. И заодно с нами выступила против Азшары. Вот ты говоришь, что, надев корону отца, почувствовала себя маленькой, но ведь ты изменилась. Все мы... меняемся.

Понурился, Зекхан опустил руки, бессильно сомкнул пальцы на поясе.

– Теперь ты – настоящая королева. Я собственными глазами видел. Как ты подданными распоряжаешься, как говоришь... Твой народ тебя слушает. И Орда послушает тоже.

Таланджи порывисто повернулась к нему.

– Значит, ты и об этом собираешься им рассказать?

Троль из джунглей пожал плечами, неспешно подошел к ней, двинулся дальше, к сердцу пирамиды, огляделся, поднял взгляд к потолку.

– Нет, королева. Твои печали принадлежат только тебе.

Остановившись, он окунул пальцы в хрустально-чистую воду бассейна. Казалось, лицо его на миг озарилось рассеянной, невеселой улыбкой.

– Мне тоже доводилось терять близких. Одного отца, а после другого...

– Другого? – удивленно переспросила Таланджи.

– Нашего верховного воеводу, павшего на мак'гора, поверженного магией Королевы Банши. Он... да, от совершенства он был далек, он был убийцей, я знаю. И не *просто* убийцей. То, что он сотворил с эльфами и их деревом... ну, о таких великих вещах мне судить трудно. Но он научил меня воинской службе. Перед трудностями не отступать научил. Уроки его запомнились накрепко, но сам я... сам я не так непоколебим. Снова и снова всплывает в памяти та мак'гора, и всякий раз я начинаю гадать, не могло ли все обернуться иначе? Не могли я чего-нибудь изменить? – Поднявшись, Зекхан ополоснул лицо пригоршней чистой воды. – Но Саурфанга больше нет, и тут уж, как ни старайся, не изменить ничего. Надеюсь, Бвонсамди помог ему обрести покой. Может, расспросишь его при случае? Вы ведь с ним близки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.